

За мир, за счастье детей!

Завтра, 1 июня, — Международный день защиты детей.

«Мир и счастье детей неотделимы», — эти слова, покоряющие простые и ясные, обаятели все страны, отозвались в сердцах сотен миллионов отцов и матерей. Этот призыв, провозглашенный Международной конференцией в защиту детей, состоявшейся недавно в Вене, звучит, как клятва верности будущему человечества. Все подлинные сторонники мира считают своим долгом отстаивать право детей всех стран на жизнь, на образование, на мир.

Перед угрозой новой войны, перед лицом нищеты и болезней, бесправия и беззащитности, поражаемых хищным, кровавым бизнесом, дети капиталистических, колониальных и зависимых стран нуждаются в надежном и действенном заступничестве народов.

Мир и счастье детей неотделимы! Вот почему движение в защиту детей неразрывно связано с самым неотложным движением современности — с борьбой народов за мир.

Миллионы честных людей в капиталистических странах — отцы и матери, педагоги и деятели медицины, мастера культуры и простые труженики — обращают свой взор к вдохновляющему и обнадёживающему примеру — к Советскому Союзу, в нашей стране, где партия и правительство создают все условия для счастья детей, для их здоровья и воспитания, для их гармоничного и всестороннего роста и развития.

Здесь, на освещенной солнцем социализма стороне планеты, подрастающее поколение нового человечества окружено всенародным вниманием.

«Наше государство», — указывает товарищ Сталин, — отличается от всех других государств тем, что оно не жалует средств на хороший уход за детьми и хорошее воспитание молодежи... Я думаю, что нигде нет такой заботы о ребенке, о его воспитании и развитии, как у нас, в Советском Союзе».

В Советском Союзе, где забота о человеке является важнейшим государственным делом, все поставлено на службу детям — нашему будущему. Многие тысячи просторных школ, где преподавание ведется более чем на ста языках, пионерские дворцы, санатории, учреждения по охране материнства и детства, театры юных зрителей и художественная литература для ребят, печать и радио — все это звенья единой системы, направленной на подлинно демократическое воспитание детей в духе мира и дружбы между народами.

Такие же благородными устремлениями руководствуются и народы всех стран лагеря мира.

Дети Китая, дети Польши и Венгрии, Чехословакии и Болгарии, Румынии и Албании растут под солнцем новой жизни. Отошли в прошлое голод и безработица, непосильный труд детей и отсутствие возможности учиться. По примеру Советского Союза здесь для подрастающего поколения непрерывно строятся школы и детские сады, дворцы и здравницы, театры и стадионы.

За два последних года в новом Китае более чем вдвое увеличилось число учащихся в школах. Впервые в истории Польши введено всеобщее 7-летнее обучение. 3.200.000 детей сели за парты. В Болгарии летом этого года будет работать свыше 500 домов отдыха и лагерей для ребят. В Албании в 1938 году было 643 школы. В 1951 году их стало более 2.000. Обязательным начальным обучением охвачено 99 процентов детей школьного возраста. В Венгрии в прошлом году во время летних работ в яслях находилось 70.000 крестьянских детей. В республике Вьетнаме, несмотря на то, что народ ведет сейчас трудную борьбу с франко-американскими захватчиками, количество школ непрерывно растет. Только в Северном

Вьетнаме число школ первой ступени увеличилось до 3.523. В них обучается 360.000 детей.

Что могут противопоставить этим фактам правители стран, где все направлено на погоню вооружений, на подготовку новой бойни, где вместо школ строят казармы, вместо жилищ — аэродромы, где возродился гитлеровский дозуг: «Пушки вместо масла?»

В хваленом «американском раю» огромное количество детей живет в трущобах, с малолетства вынуждено сгибаться под бременем непосильного труда и лишено возможности учиться. В Соединенных Штатах свыше 4.000.000 ребят не посещают школы. В прошлом году в начальных школах США нехватало 71.886 учителей. Американских ребят оглушают военной пропагандой, загнута «атомными тревогами», их сознание отравляют миллионами экземпляров пресловутых «комиксов» и голливудскими гангстерскими фильмами. Журнал «Нью-Йорк таймс» подчитал, что каждый американец, которому в 1938 году было шесть лет, имел возможность с тех пор прочесть 18 тысяч новых описаний кулачных боев, перестрелок, дуэлей и прочих видов уничтожения человеческих жизней. Поучительная статистика!

В Англии более 600 школьных помещений были еще в 1925 году признаны негодными. Но они продолжают функционировать и в 1952 году, к этому разряду «школ» лишь добавились еще десятки... Болезни, детская смертность — бич капиталистических стран. В Испании 75 процентов детей больны туберкулезом. В Японии смертность ребят достигает 62 процентов. Здесь процветают торговля детьми и детская проституция. В Иране 90 процентов детей страдает малярией, 65 — туберкулезом. В титовской Югославии рабочий труд детей и подростков, получающих в 8—10 раз меньше, чем взрослые, стал широко распространенным явлением.

В Греции и Испании тысячи детей брошены в застенки и концлагери. Маленькие узники лишены из греческой тюрьмы Корфу, что их бьет железными прутьями и палками, жгут сигаретами, заставляют есть мыло. 330 детей томится на острове смерти — Макрониссе.

Можно без конца продолжать этот перечень раздражающих душу фактов и цифр. Человечество никогда не забудет, что в Корее палачами Макартура и Риджуэя убито 300 тысяч детей! Они погибли от фугасных бомб, напалма, от отравляющих газов. Еще большее число маленьких корейцев осталось сиротами.

Кровь детей Кореи и Китая, Вьетнама и Малайи, пролитая империалистами, вызывает к совести человечества. Если народы не остановят заокеанских убийц, трагедия детей Кореи может стать участью детей других стран.

«Потребуем от правителей прекращения войны, которые несут смерть детям в Корее, Вьетнаме и Малайе... Осудим чудовищные преступления — массовые убийства детей и потребуем запрещения атомного, химического и бактериологического оружия — оружия массового уничтожения людей».

Это обращение Международной конференции в защиту детей усилено во всех концах земного шара. Растут ряды защитников детей от ужасов новой войны. В 40 странах созданы Национальные комитеты в защиту детей. В 30 странах проведены национальные конференции. Десять стран приняли участие в Международной конференции, которая обратилась ко всем мужчинам и женщинам мира с призывом:

«Пусть 1 июня — Международный день защиты детей превратится в каждый год, в каждом заводе, в каждой деревне в мощную манифестацию мира, доверия и братства между всеми народами мира».

Можно не сомневаться, что этот призыв найдет всеобщий отклик в сердцах людей доброй воли, ведущих мужественную борьбу против опасности новой войны, за мир и дружбу, за счастье детей.

Можно не сомневаться, что миллионы отцов и матерей во всех уголках земли повторят завтра, как клятву:

— Мир и счастье детей неотделимы. Мир и счастье детей восторжествуют!

НА ВОЛГО-ДОНЕ

Воды Дона подходят к четвертому шлюзу

КРАСНОАРМЕЙСК, 30 мая. (Наш корр.) Сегодня донская вода, накопившаяся за сутки в водохранилище шестого шлюза, продолжила свой путь по «чапуриковской лестнице».

Этому предшествовали невиданные даже для Волго-Дона темпы работ строителей шестого шлюза. Шлюз этот, как известно, начал строиться одним из последних на канале. Лишь в марте прошлого года экскаваторщик Митрофан Кирсанов вынул первый кубометр земли на месте будущего котлована. И в первый же день началась борьба строителей с подземными водами, которая не прекращалась до самого последнего времени. Ползали откосы, вода затопляла котлован, не раз заставляла начинать работу сначала. Некоторые специалисты утверждали, что закончить работы, даже при самых высоких темпах, возможно не раньше августа нынешнего года.

Помощь всего народа и самоотверженный труд строителей обеспечили окончание

строительства в мае. В последние дни на небольшом участке беспрерывно, день и ночь работало свыше семисот грузовых автомашин. За сутки здесь было засыпано в пришлозовую дамбу 5,5 тысячи кубометров земли!

Особенно самоотверженно в эти предпоследние дни работали мостовики. Они замостили за сутки 1760 квадратных метров откоса — это одна из рекордных цифр на канале. Руководил работой молодой инженер Владимир Шеряков, отличившийся зимой на строительстве гигантской железобетонной трубы на подводящем канале Карповской насосной станции.

Сегодня строители пропустили воды Дона через камеры шестого и пятого шлюзов, и она движется сейчас к четвертому шлюзу — последнему на «чапуриковской лестнице».

На пути к Волге донской воде останется пройти три шлюза Красноармейского строительного района.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 66 (2930)

Суббота, 31 мая 1952 г.

Цена 40 коп.

Жак Дюкло арестован в угоду Риджуэю

Трудящиеся Франции требуют освобождения своего верного сына

Краткое сообщение по радио, дошедшее до самых отдаленных деревушек Франции, вызвало, подобно электрической искре, взрыв негодования у всех честных людей нашей страны. Сообщение гласило: «Только что арестован Жак Дюкло». Далее говорилось сухо и кратко: «Жака Дюкло в наручниках отвели в кабинет прокурора республики».

Арестован, в наручниках... Чтобы понять сильнейшее волнение, которое потрясло до глубины души весь французский народ, когда он услышал эти слова, надо знать, что значит во Франции имя Жака Дюкло.

Два слова — Жак Дюкло — звучат для французов не только как синоним искренности и преданности делу народа, но и как синоним мужества, смелости, бесстрашия и отваги. Жак Дюкло — он, как и самый близкий его друг и старший товарищ Морис Торез, — умелый организатор беззаветной борьбы победоносной армии франтиреров (вольных стрелков) и партизан в трудные дни патристической борьбы против гитлеровского нашествия. Жак Дюкло — это олицетворение чести, отваги и патристичности трудящихся Франции.

И теперь этот человек, как бы вобранный в себя лучшие качества своего народа, брошен в тюрьму, закован в цепи. Правительству Пина, бывшего члена так называемого «Национального совета» при альянсе предателя Петане, разоблачившем этим преступным актом отвратительное лицо буржуазной демократии — «демократии» американских людоубов.

Но чем же объясняется эта вспышка бешенства, эта ярость реакционеров, в то же время победивших, помертвевших от страха и смуты? Это произошло потому, что по всей Франции в день приезда генерала Риджуэя, этого палача в американском мундире, французский народ, как

одна человек, встал на защиту мира. Французы прорывали полицейские заграждения, опрокидывали грузовики с передетыми полицейскими, обращали в бегство охранников из так называемых «отрядов республиканской безопасности». Народ оказал чумно-тифозно-холерному генералу прием, вполне заслуженный этим военным преступником!

Французский народ, который не примирится ни с вишнскими предателями, ни с кровавой гитлеровской оккупацией, доказал, что он полностью сохранил свои славные боевые традиции в борьбе за свободу, независимость и мир.

Риджуэй, пританисший, подобно дикому зверю, в Версальском дворце, услышал грохот гул полных неспиримой ненависти голосов: «Риджуэй, отправляйся домой!», «Американцы — в Америку!», «Мы хотим мира», «Долой Пина». И этот убийца женщин и детей, этот мучитель и палач воинов-полоненных был вынужден позвонить по телефону своим лакеям из правительства Пина и вчерашне сообщить им, что он освобожден...

Даваям нужно было что-то сделать, чтобы успокоить «босса». И вот в угоду долларовой мафии, старающимся всемирно почитать своему старинному соседу, г. г. Пина и Шуман «преподнести» Риджуэю арест борца за мир Жака Дюкло — секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Франции. Министр внутренних дел, министр юстиции, прокуроры, провокаторы и полицейские шики уже набивают свои напки клеветой, готовясь состряпать то, что они осмеиваются называть «заговором против государственной безопасности».

Заговорщики! Да, во Франции их все знают! Это и есть г. г. Пина и Шуманы,

которые только на днях, подписав военный договор с реакционным бонским правительством, узаконили восстановление реваншистской армии гитлеровцев и превращение Западной Германии в базу агрессии против великой страны социализма, стран народной демократии и всего лагеря мира.

Заговорщики! Да, ведь это те, кто только что заключил союз с немецкими фашистами — палачами Ораура, Аухвица и Бухенвальда, подвергая тем самым величайшей угрозе государственную безопасность Франции и мир во всем мире.

Заговорщики! Это и есть маршаллизованные правители, обрекающие народные массы на нищету для того, чтобы обогатить торговцев смертью.

Французский народ приговаривает их к позорному столбу!

Пина и его сообщники, разоблаченные вместе со своими американскими хозяевами, прибегают к грязным и отвратительным гестаповским приемам. Но сегодня же утром, в пятницу, вся пресса вынуждена сообщать о том, что рабочие, все сторонники мира нескончаемым потоком резолюций, демонстрациями, стачками и забастовками протестуют против преступной политики реакции фашизма, нищеты и войны, политики стран, примкнувших к агрессивному Атлантическому пакту.

С севера на юг, с запада на восток раздается мощный голос французского народа, настойчиво требующий: «Немедленно освободите Жака Дюкло, Андре Стиля и других арестованных!»

Народ Франции клянется объединить свои силы с силами всего человечества и провалить чудовищные планы американских миллиардеров, обеспечить победу священного дела борьбы за мир.

Флоримон БОНТ
ПАРИЖ, 30 мая. (По телеграфу)

*** Что происходит в Западной Германии

Публикуемая ниже корреспонденция автора, подписавшегося тремя звездочками, получена нами из Западной Германии через редакцию газеты «Несей Дейчланд», выходящей в демократическом Берлине. Автор — очевидец бурных событий, происходящих сейчас в Западной Германии, в Баварии.

По вполне понятным соображениям, имя автора корреспонденции не может быть названо — в условиях разнузданных полицейских преследований сторонников объединения Германии это навлекло бы на него репрессии бонских гестаповцев.

Мы требуем единой, демократической и независимой Германии!

После окончания этой грандиозной манифестации рабочие со знаменами и транспарантами зашли на улицы Мюнхена. Около Карловых ворот на демонстрантов напала полиция. Полиция! Это была солдаты в стальных шлемах, урешанная оружием, весьма напоминавшая бандитов из отрядов господина Эппа** времен веймарской республики. Когда эта гвардия держимора начала вырывать у демонстрантов плакаты, рабочие оказали сопротивление. Силы они противопоставили силу, желая показать аденгауэровской солдате, что ей не так-то легко будет творить то, что угодно ее хозяевам.

В то же самое время в Нюрнберге на демонстрацию вышло свыше 80 тысяч трудящихся — социал-демократов, коммунистов и беспартийных рабочих. Они шли плечом к плечу, под черно-красно-золотыми знаменами немецкой демократии и красными знаменами рабочего класса. Они шли под теми же лозунгами, что и их мюнхенские товарищи.

Во главе колонны рабочих завода «МАН» — лозунг: «Против общего договора, за немедленное представление полного права голоса на предприятиях». Рабочие и служащие предприятия «Фрейингте дейче метальверке» вышли на демонстрацию с транспарантом: «Мы требуем работы и мирного договора!». В первых рядах этой колонны рабочие несли черный флаг, а также множество могильных крестов с черепом и стальной каской — в знак протеста против политики подготовки войны. Рабочие и служащие заводов Сименса демонстрировали под такими лозунгами: «Долой общий договор!», «Человек труда, пробудись и осознай свою силу — все ко-

** Генерал Эпп — палач мюнхенских рабочих, один из участников фашистского «пятидневного путча» в Мюнхене в 1923 году, впоследствии — гитлеровский наместник в Баварии. (Ред.)

леса остановят свой бег, если этого захочет твоя мощная рука». Железнодорожники Нюрнберга несли многочисленные плакаты с надписью: «В нашем единстве заключена наша сила».

По мере того, как маршрутирующие рабочие колонны приближались к центру города, количество демонстрантов непрерывно росло. Из боковых улиц, не переставая, выходили трудящиеся, которые присоединялись к колоннам. Там, где полиция пыталась теснить демонстрантов или же отобрать плакаты, рабочие прорывали оцепление, отступали свои транспаранты и знамена и, сомкнув ряды, двигались дальше, туда, куда направлялись все колонны, — к площади центрального рынка Нюрнберга.

После полтора часового марша по улицам города участники шествия собрались в разрушенной бомбами в период второй мировой войны части Нюрнберга, на центральной рыночной площади. Здесь состоялся мощный митинг протеста против бонского закона о производственном уставе и против «общего договора». В митинге приняли участие профсоюзные делегации из всех районов Северной Баварии. Во время демонстрации и митинга в городе бездействовали все средства сообщения.

Неоднократно прерываемый бурными аплодисментами и дружными выкриками: «Долой общий договор! Гоните вон Аденгауэра! Мы хотим мира!», руководитель окружной организации отраслевого профсоюза металлургов Баварии Эрвин Эссель произнес речь, в которой осудил проводимую бонским правительством милитаристскую политику.

В нарушении демократии, — подчеркнул оратор, — повинны не мы, рабочие, и не профсоюзы, а правительство и федеральный канцлер Аденгауэр за закрытой дверью, без участия немецкого народа, вел переговоры о договоре. «Общий договор»

ГНЕВНЫЙ ПРОТЕСТ

Освенцим, Майданек, Тремблнка... Эти места, ставшие во время второй мировой войны могилой миллионов людей, «фабриками смерти», оставили в истории человечества память более страшную, чем костры и застенки святейшей инквизиции.

Прошло только семь лет со дня окончания второй мировой войны, и вот с ужасом и содроганием узнали мы о том, что есть на земном шаре место, где творятся дела еще более страшные, чем в Освенциме и Майданеке.

Это место — Кочжедо, остров пыток и смерти, где новоиспеченные асоводы в мундирах солдат и офицеров американской армии творят дела, подлинные чудовищные.

Правда не знает границ, она шагает через колочую проволоку, через минные поля, она не боится пуль и снарядов. С маленького острова она пролетела на континент, наполнив гневом и возмущением сердца миллионов честных людей во всем мире, открыв глаза тем, кто до сих пор не видел, что голубой флаг ООН американцы давно уже обгадили человеческой кровью.

Гневный протест человечества прогремел над всей землей. И палачи засуетились, они стали открещиваться, опровергать... Но нельзя опровергнуть доказанное. Все новые и новые факты — страшные факты! — пересекают на крыльях правды моря и континенты, и ширится, растет волна гнева народного.

«Вместе с прогрессивными силами всего мира мы требуем положить конец зверствам американских захватчиков в Корее. Мы требуем человеческого, гуманного обращения с корейскими и китайскими военнопленными...»

Под этими строками из резолюции общегородского митинга трудящихся Москвы, состоявшегося 29 мая в Колонном зале Дома союзов, поставили бы своим подлинными миллионами честных людей земного шара.

Это требование прозвучало и во выступительной речи академика И. Петровского, и в речи профессора Ф. Коженикова, врача М. Дворниченко, мастера завода «Серп и молот» И. Романова, работницы завода «Красный богатырь» А. Фокиной, докторанта Математического института Академии наук СССР С. Сираждинова, писателя А. Суркова.

— Человеческая жизнь для нас является самым ценным из всего, что есть на земле. Этому учат нас товарищи Сталин! Эти прекрасные слова произнесла А. Фокина, работница одного из московских заводов.

Митинг протеста москвичей против злодеяний американских интервентов в лагере для военнопленных, перекликающийся с такими же митингами во всех странах мира, еще и еще раз показывает, что в своей великой борьбе за дело мира, за право человека жить свободно и счастливо победа народом!

ставит Западную Германию в полную зависимость от западных держав. Раскол Германии закрепляется, таким образом, на неопределенный срок. Мы обвиняем правительство и западные державы в сознательном осуществлении раскола Германии, поскольку они не использовали имеющихся возможностей достичь соглашения по германскому вопросу. Мы, трудящиеся люди, не хотим войны. Мы требуем всеобщего разоружения и хотим жить в мире со всеми народами мира. Немецкий рабочий класс никогда уже больше не позволит использовать его как орудие в военной авантюре империалистов!

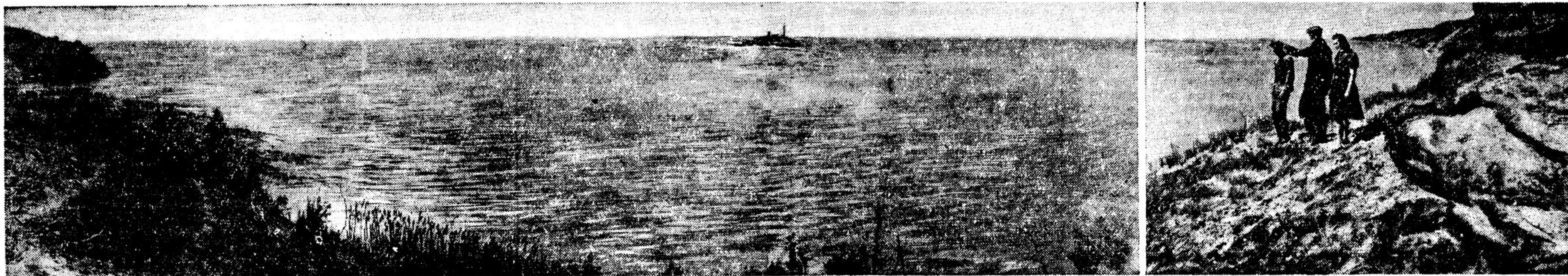
От имени профсоюзов Эссель потребовал, чтобы ни один депутат парламента не опустился до того, чтобы согласиться с ратификацией милитаристского «общего договора».

После митинга полиция вновь попыталась напасть на демонстрантов, и снова произошла столкновения. Группа полицейских пыталась отобрать у нескольких рабочих предприятия «Фрейингте дейче шталверке» транспаранты, а также черные могильные кресты, которые они несли. Тогда основная масса рабочих двинулась на полицейских и отнесла их. Полиция успела арестовать и увезти двух рабочих. Тотчас мощная колонна демонстрантов отправилась к полицейскому участку. Люди хором стали требовать немедленного освобождения своих товарищей. Рабочие пошли на штурм полицейского участка. Прибыли полицейские подкрепления. «Бюстятелье порядка» начали поливать демонстрантов водой из пожарных шангов. Полицейские отряды врзались в толпу, нанос удары направо и налево резиновыми дубинками...

Происходящее в Нюрнберге демонстрация протеста поддержали трудящиеся всей Северной Баварии, проводившие в это время на предприятиях итальянскую забастовку.

Граничные демонстрации протеста, организованные баварскими профсоюзами, являются выражением боевой решимости западногерманских рабочих. Под лозунгом «Долой Аденгауэра!» — они объявили открытую войну бонской системе милитаристского «общего договора».

МЮНХЕН — БЕРЛИН, 30 мая. (По телефону)

Цимлянское море. Май 1952 года.

Фотоснимки А. СОКОЛЕНКО

С. МАРШАК

Почта военная

Каждый из нас — литераторов, пишущих для детей, — нередко встречается со своими читателями. Эти встречи почти всегда остаются у нас в памяти, но бывают среди них такие, которые мы храним в душе особенно бережно.

Лет десять тому назад мне довелось встретиться с читателями в самой неожиданной обстановке. Это было на сеновале в жаркий летний день. Плотным кольцом окружали меня мои слушатели. Все было так привычно и знакомо. Внимательные и серьезные глаза, сдержанный смех, шуточные и меткие замечания.

Но происходило это не в пионерском лагере, не на даче, а на фронте, и слушали меня не дети, а молодые бойцы во время короткого и невеселого досуга между боями. Мне было странно, что под гулкие самолеты, под бухание артиллерийских орудий, хоть и отдаленное, но довольно ясное, можно с таким живым интересом слушать стихи. Сначала я читал стихи для взрослых, все больше на военные темы, — мне казалось, что именно это интересно и нужно моим слушателям.

Но вот один из них слегка отшатнулся и сказал застенчиво:

— А не можете ли вы прочитать нам какую-нибудь из ваших сказок. Ведь мы их с малых лет знаем.

Его сразу поддержало несколько голов. И я с волнением принялся читать этим взрослым людям, несущим такой тяжелый бремя повседневного военного труда и ежедневной опасности, веселые и беспробудные строчки, которые, может быть, потому и попадали им сейчас, что напоминали о доме, о летнем лагере, о детстве, о юности, из которой они, в сущности, еще так недавно вышли.

Я был рад, что мог доставить им несколько минут отдыха, а они щедро вознаградили меня, навсегда оставив в моей памяти этот летний день во всей его неповторимой и простой значительности.

А заодно они подарили мне тему для нового рассказа в стихах — «Почта военная». Написать этот рассказ я обещал военным почтальонам, которые горько жались на то, что обо всех, дескать, писатели вспоминают — о летчиках, танкистах и саперах, о пехоте и об артиллерии — и только их, военных почтальонов, всегда забывают. А если и вспоминают, то чаще всего бранят, — ведь всякую почту принято бранить.

Я покинул моих слушателей, взволнованный и растерянный. Мне казалось, что я провед этот день среди людей, с которыми не расставался с самого их детства. Они были все те же. Та же веселая серьезность, та же готовность щедро и горячо сочувствовать всему хорошему, человеческому и стеной стоять за справедливость.

Двенадцать месяцев

Сказку стоит рассказывать и показывать со сценит только тем, кто ей верит. Она любит, чтобы ее слушали, как правдивую историю, чтобы слушатель и зритель участвовали в ней всем воображением, всем своим существом.

И нет большей радости, большего удовольствия для писателя и актера, чем возгласы с мест — одобрительные, негодующие, предупреждающие.

Мальчик шести-семи лет вырывается из рук матери или бабушки, усадившей его на колени, — чтобы ему было виднее, — и бежит к рампе МХАТа или ТЮЗа предупредить зайца о том, что за кулисами притаился волк.

Когда белки бросают основную шишку в замерзшую девочку и кричат ей из дупла: «Не спи! Замерзнешь!» — множество голосов подхватывает их слова:

— Не спи! Замерзнешь!

А какое ликование бушует в зале, когда справедливость торжествует и ко всем тем, кто утнет и обездолен, идет неожиданная, победная, благодарная помощь.

В одно и то же время поднимается буря и на сцене и в зрительном зале, когда на голову королевы из «Двенадцати месяцев» обрушивается давно заслуженное возмездие, а юную героиню сказки, так и не выдавшую доверенной ей тайны, выручают из беды дружественные силы. Маленькие зрители рукоплещут не только удачной игре актеров, но только эффектам постановки. Прежде всего они радуются победе добра и правды.

Такие «эстетические» аплодисменты стоят любых «эстетических».

Как отчетливо видны в темном зрительном зале наши дети, весь их нравственный облик и характер. Они не умеют только сочувствовать. Сочувствие готово каждую минуту вылиться в действие. Все маленькие зрители как бы становятся одним существом, одушевленным одной волей, единым общим порывом.

Каждый, кому довелось ощутить эту сыльную и добрую волю, живущую в сотнях и тысячах детских сердец, с глубокой, спокойной уверенностью думает о нашем будущем.

Рисунки В. ГОРЯЕВА

В канун Международного дня защиты детей каждый советский человек вспоминает о многом увиденном и пережитом: о встречах с детьми на фронтовых дорогах, о мальчишках и девочках, вызволенных из фашистской неволи, и о том, как Родина наша по-матерински залечила глубокие раны, нанесенные детям войны, вернула им радостное детство, открыла все пути к счастью.

Советское государство предоставило детям все для укрепления их здоровья, для всестороннего раскрытия их способностей в учебе, труде, общественной работе. По всем фронтам всенародной любви и заботы растет замечательное поколение, о котором у нас написано много хороших книг. Сегодня мы публикуем выступления детских писателей, которые рассказывают о живых героях своих книг.

ОГНИ НА РЕКЕ

Николай ДУБОВ

Ранней осенью минувшего года я позвонил из Херсона в Киев. Вода спаала, и «Фридрих Энгельс» шел в свой последний сквозной рейс.

Пароход подошел к шлюзу. Вечера уже поспешили, и немногочисленные пассажиры под вечер обычно притаялись по каютам или просто устроились в коридорах — поближе к машинному отделению, из открытых дверей которого шло сухое, пахнущее маслом тепло. Но теперь все высматривали на неосвещенную верхнюю палубу и столпились на носу.

В оранжевом мареве мерцали вереницы огней Запорожья, слева, за островом, небо тоже пламенело то ли в закатном, то ли в электрическом сиянии. Спереди наплывали лампочки нижнего шлюза. Пассажиры молчали. Лишь на самом краю палубы, возле поручней, сидя на высоких ящиках, горло шептались две фигурки.

— Иди погрейся, еще не скоро. Он теперь медленно пойдешь, — строго произнес старожилый быть солидным мальчишеский голос.

— Не-е, я боюсь. Прозеваю и опять ничего не увижу, — тонким голоском ответила девочка.

— Чего прозеваешь-то? Их же три и все одинаковые. Иди, простынешь.

— Я только на полминуточки, руки отогрею и все...

Девочка сползла с ящика и, юркнув между пассажирами, побежала к трапу.

— Сестренка? — спросил кто-то из пассажиров.

— Ага, — не оборачиваясь, ответил мальчик.

Высоко над воротами нижнего шлюза доносился тоновый огонь какого-то судна. «Энгельс», подвигив ближе к берегу, застопорил машину. Фонари набережной осветили нижнюю палубу. Большой голубой, коротко остриженный мальчик с еще пухлыми по-детски губами сидел у самых поручней, опираясь подбородком на сжатые кулаки. Белка его лежала на коленях.

— Ты бы и сам пошел погреться, — сказал рядом, сказав пожилой мужчина с вислыми усами.

— А зачем? Мне не холодно.

— Ну да, вот мать или отец выйдут сейчас и сведут вниз.

— А их тут и нету.

— Так это вы вдвоем и едете? И не боитесь?

— А чего бояться?

— Это-то верно, бояться нечего. Однако все-таки... больно уж вы малы каибром-то.

Мальчик пренебрежительно оттопырил пухлые губы, но ничего не ответил.

— И до чего же сейчас отчаянные ребяташки пошли — прямо ужас! — сказала женщина в мужском пиджаке. — У меня тоже вот такие...

— Не отчаянные, гражданочка, а смелые! Это — суть разницы. Смелость города берет, и мы, когда нужно было, брали их — дай бог!.. Вот и они по нашей мерке растут, — посаживаясь на тот же ящик, сказал рослый парень в синей спецовке.

— Верно, орей?

«Орей» застенчиво уныбнулся.

— Откуда ж вы и куда путешествуете?

— Мы в Николае у дедушки были, а теперь домой едем, в Днепрпетровск.

Ворота шлюза открылись, встречный пароход прошел мимо, «Энгельс» осторожно двинулся в камеру. Мокрые бетонные стены навалились на пароход, закрыли узкое отверстие, оставив над головой лишь узкое ущелье, обрамленное цепью лампочек. Между ними через паранет переселилась маленькая фигурка, и звонкий девичий голос крикнул:

— Эй, на «Энгельсе», держи!

В воздухе скользящая тонкая змея траса. На нижней палубе его поймал молодой коренастый матрос и счастливо закричал:

— Привет, Катя! Вот это да! Вот это здорово! Здравствуй, Катя!

— Василь! Здравствуй! — отозвался девичий голос и тут же сердито зазвенел:

— Ты чего ж стоишь? Трос давай!

Матрос, поспешно привязав тросик к петле толстого троса, вытолкнул его за борт и снова поднял вверх счастливое лицо.

— Когда же приедешь, Катя? А?

Девушка торопливо выбрала канат и не отвечала.

Пароход поднимался все выше, матрос выбирал провисавший трос, и казалось, что не вода, а он сам, его горячие нетерпеливые подтягивают громаду парохода к паранету, над которым склонилась девичья фигурка.

— Да, видать, этот матрос в юбке не только пароход зачалал, — сказал вислый мужик, и все пассажиры тихонько и доброжелательно засмеялись.

— Дело молодое, — вздохнула женщина. — Вот через несколько лет и эта девушка будет зачаливать вашего брата...

Девочка покосилась на нее и обиженно сказала:

— А я совсем и не буду матросом!

— Кем же ты будешь?

— Я еще не знаю, только, наверное, как Ольга Степановна. У нее вот такие очки, и она людей лечит...

— Ничего, подходящее дело, — одобрил вислый мужик. — А ты? — повернулся он к мальчику. — Тебя ведь Сашком зовут? Батьку у тебя кто?

— Вальцовщик. На Петровке.

— И ты вальцовочником станешь?

— Нет.

— И правильно! Вальцовщик что? Личность зависима. Есть сталь — он катает, нету — ему и делать нечего. Иди, брат, в сталевары! — Вислый мужик расправил плечи, и обнаружилось, что он вовсе не такой молодой, каким казался сразу, и что глаза у него живые, острые и веселые. — Для индустрии что нужно? Металл. А кто его делает? Сталевары. Это, брат, первая профессия на земле. На Петровке тоже ничего, ну, однако, там постарее. Ты, как подросток, приезжай к нам на Дзержинку. Мы из тебя академика по сталеварскому делу образуем...

— У сталеваров профессия, конечно, почетная, но и другие не хуже, — с некоторым вызовом сказал парень в спецовке. — Вы не голыми руками работаете, вам механизмы помогают. А кто их делает? Машиностроители. Так что ты, орей...

— И чего вы ребенку голову морочите? Ему еще задачи по арифметике решать надо, — сказала женщина.

— Арифметика — арифметика, а надо решать и задачи жизни. И надейтаться на нее надо пораньше! — возразил дзержинский. — Так, Сашко?

— Ага. Только я и в сталевары не пойду.

— А куда же?

— В строители. Моря строить буду.

— Чего? — засмеялась женщина.

— Моря строить! — сердито нахмурился, повторил Сашко. — Вот как Цыпанское, Куйбышевское...

— Так это, брат, тебе не поспеть! — сказал сталевар. — Тебе сколько годов? Двенадцать? Ну вот, тебе еще только семнадцать стукнет, а их уже закончат, стройки-то.

— Так другие будут! Вот сейчас Большую Волгу строят, в Каховке уже начали, а потом, где-нибудь еще будут... Мы в классе уже все обсуждали.

Пароход поднялся на последнюю ступень шлюзов, и перед ним распахнулась неоглядная ширь теряющегося в россыпи огней озера.

— Да, — сказал машиностроитель, — обязательно будут новые стройки.

— А я что говорю? Конечно, будут! — сказал Сашко.

Он опять оперся подбородком на сжатые кулаки, чтобы скрыть торжествующую улыбку на пухлых губах, и обернулся навстречу огням. Сестра его давно уже, не отрываясь, смотрела на них, и в глазах ее, как в живой бегучей воде, сверкали отблески наплывающего света.

Лев КАССИЛЬ

Дорогие мои мальчишки

Весной 1942 года, ночью у развалин вокзала на станции Сухиничи мне пришлось долго ждать поезда на Баузу. В крошечной темноте возле уцелевшего пакугаза бедели чистенькие досочки и аккуратные котомочки. Там сидели деревенские ребята. В соседних прифронтовых селах был только что проведен набор в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Ребята ехали в Москву. Чтобы не потерять во мраке землянок, они то и дело перекашливались:

— Думиничские, куда заехали-лись?.. Сухиничские, соберитесь!.. Маклаковские, ходи сюда!.. Эй, полянские, вы где тут?..

С поля плыла душистая сенилая прохлада. Где-то далеко ухала артиллерия. Ребята из Думиничей запели хором. Другие в темноте обдирались:

— Хорошо у них, в Думиничах, поют. Песен много знают... Жалко Пашику Виктора нет. Вот бы кто спел!.. Пашика еще там остался. Ихнее село еще не освободили. Придется ему в том году нас наобывать.

Ребята выдыхают и долго молчат.

А потом, легонько постукивая на стыхах задушенных релсов, вылоз из тьмы состав. И поехали сухиничские, полянские, маклаковские, думиничские в науку.

Через несколько месяцев я поехал на Урал и вместе с композитором Тихоном Хренниковым побывал в гостях у ремесленников одного из прославленных заводов. В общении ремесленника училища было очень жарко. Крышка роля заплела. Из переполненного коридора все время медленно, но неуклонно вжимались в наш небольшой зал все новые слушатели, подростки лет 15—16, паренки и девушки. Они только что вернулись с завода. У некоторых под глазами темнела еще немытая конюта. От них пахло мыльной водой, металлом и испорченной землей литейного цеха. Это был чудесный народ! Внимательный, любознательный, то весь приходящий в шумное движение, то замирающий в радостном внимании.

Хренников, пробравшись к роляю, играл и пел им свои песни. И оказалось, что ребята знают большинство этих песен наяву. Тогда решили спеть хором. Завела сероглазая тоненькая девушка лет шестнадцати, с открытым, задумчивым, как бы вслушивающимся лицом. Мне показался знакомым ее чистый голос.

— Где же я ее слышал? И, конечно, я вспомнил.

— Товарищи дорогие, — сказал я, как только кончилась песня. — А нет тут среди вас кого-нибудь из Думиничей?

— Мы из Думиничей! — восторженно отозвался из угла.

— А сухиничские имеются?

Оказалось, что есть и сухиничские, и маклаковские, и полянские.

И увидел девушку, которая только что была заведующей, и коренастого, приземистого паренка. Они сидели на одном табурете, но тут сразу встали, засмущались.

А директор школы сказал:

— Это наши известные — Степа Сергунин и Петя Малахов. Отличники по всем предметам. Дают процент в процент 140—150 ежедневно! Упрямый народ.

И рассказали мне мои почные знакомые, как они попали на знаменитый уральский завод. Теперь здесь живут, учатся, работают не хуже заправских уральцев. Все обьяснил. Ни в чем не обманулись ребята, которым Родина властно и заботливо вернула все радости, порывы и приволье отрочества.

А совсем недавно я получил от Петра Малахова письмо. Он работает на одном из предприятий, теперь уже сам воспитывая молодых рабочих. Петр рекомендовал сходить на выставку технического творчества питомцев учебных заведений Министерства трудовых резервов.

И я пошел на выставку, о которой мне написал Петя Малахов. Там я увидел огромную, во стократ увеличенную модель электронной лампы. На ней впервые можно наглядно проследить обычно скрытый от глаз процесс работы этого аппарата, без которого не обходится ни радиоприемник, ни телевизор. Ремесленники сумели показать принцип действия одного из чудесных приборов современной практической физики.

Но было тут еще множество вещей, не менее удивительных! Я увидел на столе огромный действующий макет целого нефтяного промысла с вышкой для бурения, с насосом, который качал настоящую нефть... Все это было изготовлено руками ребят из 5-го ремесленного училища Нефтегорска. Видел я здесь сложнейший макет котельного агрегата высокого давления, который смастерили таганрогские ремесленники из училища № 15. Макет сделан с такой точностью, что Политтехский музей давно уже предлагает выставить его в своих залах. Здесь вы найдете и образцы талант-

ливого, затейливого творчества ребят из художественных ремесленных училищ — и мозаичный портрет товарища Сталина, сложенный кемеровскими ремесленниками из 22 тысяч металлических пластинок разного «цвета побежалости» стали, и работы выученных знаменитых каслинских мастеров, и отливочную фигуру «Гулука», которую за 252 часа выточил из осины, палисандра и клена ремесленник г. Червоцы. И еще много, много удивительных изделий наших чудотворцев можно увидеть на этой выставке. Среди них примете и книгу в скромном переплете зелено-стального цвета: «Виктор Рожков. О друзьях-товарищах. Труднереиздат. 1951 г.». Вот что написано на обороте ее титульной странички:

«Повесть «О друзьях-товарищах» написана учащимся московского ремесленного училища № 15 (металлургов) Виктор Рожков с отличием окончивший осенью 1951 года училище и теперь работающий электрогазосварщиком на московском дважды орденоносном заводе «Серп и молот».

Иллюстрации к повести сделаны учащимися художественного ремесленного училища № 75 (Москва) Юрием Барнушиным и Владимиром Яковлевым. В полиграфических работах по изданию книги приняла участие выпускница и учащиеся московского художественного ремесленного училища № 3 (полиграфистов)»

Когда я уже собирался уйти с выставки, туда заглянули трое школьника, примерно четвертого класса. Заговорили, они ходили вдоль стендов с яркими фотографиями, показывающими чудесную жизнь, учение, труд и отдых наших ремесленников. Ребята осторожно двигались между макетами великих строек, моделями локомотивов, электротракторов, бесконечных черноморских тепловозов с крохотными якорными лебедками и миниатюрными спасательными кругами, на которых микроскопическими буквами было выведено название корабля. Школьники предприняли при входе, что все это кружки трогать — ни-ни! И они старательно держали руки за спиной, пальцы от соблазна. Но с каким завистливым восторгом и уважением смотрели они на Виктора Силаева и Юрия Логунова из 6-го московского ремесленного училища, которые пришли не только трогать все собственными руками, но самостоятельно залили масло в изготовленный ими же и их товарищами токарно-винторезный станок «16-15 М» и теперь по-хозяйски открывали, развивали, смазывали механизмы на глазах у пораженных мальчишек.

— Вот это люди! — было написано в восхищенных глазах мальчишек.

Этот снимок сделан в те дни, когда Шанхай еще находился в руках японских милитаристов. Семилетний китайский мальчик Лу Гуань-хун, оборванный, грязный, голодный, не имеющий крову, стоит у перил моста. Он не по-детски озлоблен. Что он будет сегодня есть, где будет спать, кто вылечит его больные ноги...

Общая программа Народного политического консультативного совета нового Китая, законы о браке, о профсоюзах и другие предусматривают повседневную заботу о детях, об их здоровом физическом и духовном развитии, как важнейшее государственное дело.

После освобождения города народное правительство заботилось о судьбе беспризорных детей. И вот врач тщательно осматривает маленького Лу Гуань-хуна... Мальчика вывели и направили учиться в «Молодежное дерево» под Шанхай, на свежий воздух. Теперь милитарства и бесчеловечные считанья по улицам беззастенчиво канули в прошлое...

За короткое время Народный Китай покрылся широкой сетью пунктов охраны материнства и младенчества. В городах и рабочих районах количество их уже в прошлом году превышало 800. В 85 уездах Китая работают теперь медицинские и санитарные посты. В деревнях создано более 10 тысяч акушерских пунктов, которые обслуживают 110 тысяч врачей. Впервые появились амбулатории в освобожденном Тибете. Ста миллионам детей бесплатно сделаны прививки противосыпной и других вакцин. Смертность новорожденных, например, в Мудуне упала с 43 до 2,5 процента, а в провинции Иньчжоань — с 60 до одного процента.

Здоровыми и веселыми растут дети нового Китая. Уже в 1950 году количество детских садов в стране превышало 450, а к маю 1951 года увеличилось до 1079 и продолжает непрерывно расти. А количество сезонных детских садов и яслей, созданных в деревнях в страдную пору, по сравнению с 1950 годом увеличилось теперь в 106 раз!

Впервые в истории Китая дети трудящихся получили возможность учиться. В старых освобожденных районах, таких, как Северо-Восточный и Северный Китай, 80—90 проц. учащихся составляли дети рабочих и крестьян. К концу 1951 года в Китае обучалось 459,816 начальных школ, в которых обучалось 38,702 тысячи детей.

Число учащихся возросло по сравнению с периодом гоминдановского господства на 60 процентов. Особое внимание в новом Китае обращается на обучение детей национальных меньшинств. Из 75 новых начальных школ в Тибетском национальном округе провинции Сикан многие открыты в уездах, вовсе не видевших ранее учебных заведений. Для детей национальных меньшинств в стране уже открыты 9,100 начальных школ и большое количество средних школ. Народное правительство оказывает всемерную помощь нуждающимся детям. Они получают государственные пособия, для них создаются общежития.

...Он оказался смелым паренком. Лу Гуань-хун старательно занимался и скоро стал отличником учебы. Потом его избрали старостой группы. Вот он (крайний слева) среди других детей, на уроке. Внимательно вслушиваясь аудиторной и слова преподавателя, и перед юными китайцами открывались новый пренасынный мир труда и свободы...

Школьники занимаются в многочисленных кружках, выпускают стенные газеты. Они много читают. В Пекине, например, для детей открыта специальная библиотека, которая располагает пятью читальными залами. Ежедневно ее посещают до тысячи детей, а в воскресенье — до двух тысяч. Любимыми книгами детей являются переведенные на китайский язык «Тимур и его команда», «Сын полка» и другие произведения советских писателей.

Китайские школьники проявляют огромный интерес к жизни Советского Союза. Ученики пензенской начальной школы «Юйцай» организовали выставку, посвященную деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина. Учащиеся этой школы, так же как и многих других школ Китайской Народной Республики, ведут переписку с школьниками Советского Союза.

Народное государство позаботилось о том, чтобы детство сирот было счастливым. Судьба Лу Гуань-хуна, о которой рассказывают помещенные нами снимки, — это судьба тысяч китайских детей.

Радостен смех китайской детворы, наполняющий прекрасные сады и парки, созданные специально для ее развлечения и отдыха. Вот и в эти дни в Шанхае, на улице Хайиндун, открывается новый детский парк.

Неизвестен детский смех врагам мира и счастья на земле. Американские поджигатели войны обрушивают на головы детей Китая смертоносные бактерии. Но китайский народ, руководимый Мао Цзедунем, — на страже. Могучим движением против американской агрессии и за оказание помощи Корею он вносит большой вклад в дело защиты мира, в дело защиты детей. Он помнит слова из Манифеста Всемирного народного комитета защиты детей: «...для того, чтобы дети могли наслаждаться счастливой жизнью, во всем мире должен царить мир. Защищать мир — это значит защищать права детей».

...Частицей этого нового мира ощущает себя все полнее и полнее маленький Лу Гуань-хун. Это чудесное ощущение! Оно наполняет силами, порождает инициативу. И за пределами классной комнаты проявились способности мальчика. Ему поручено руководить культиотрядом. На фото Лу Гуань-хун запечатлен в тот момент, когда он дирижирует детским хором...

Так ранее беспризорный шанхайский мальчик обрел счастливое детство на своей обновленной родине — в свободном Китае. Снимки из китайского журнала «Женьминьшубао».

О языке и стиле „Молодой гвардии“

Языковой подход к слову преимущественно с точки зрения внутреннего устройства самого языка и звуков его развития. Литературовед прежде всего изучает слово, как эстетическое, образное средство. Это не значит, что языковед чуждается такой задачи, но для литературоведения этот подход — главный. Сейчас перед нами литературоведением стоит задача применить генеральные положения И. В. Сталина о языке к анализу художественной практики советских писателей. История литературного языка советской эпохи пока не написана. Нет монографии о языке отдельных писателей. Это еще дело будущего. Однако мы вправе говорить об общей тенденции развития нашего литературного языка. Эта тенденция заключается в стремлении использовать языковые средства для наиболее многогранного, глубокого и реалистического отражения действительности. «...Ищем речи точной и ясной», — говорил Маяковский. На истории литературного языка можно проследить, как постепенно ослабевает и отпадает злоупотребление областными словечками, как идет борьба против языкового натурализма, высокопарности, ложного красноречия и как литературный словарь писателей все время обогащается и пополняется. Что характерно для таких произведений, как «Жатва», «Свет над землей», «Далеко от Москвы», «Ясный берег»? Стремление ввести в литературу (и через авторскую речь и через речь персонажей) тот новый словарь, каким пополнился общенациональный фонд русского языка за годы сталинских пятилеток, коренного преобразования нашего жизненного уклада и громадного культурного роста людей. Анализируя язык, каким говорят персонажи этих произведений, можно заметить, как обогатился их словарь, расширились горизонты советских людей.

Роман А. Фадеева «Молодая гвардия» глубоко и полно выражает тенденцию социалистического реализма: охватить жизнь как можно шире и многограннее. И авторская речь и речь литературных героев — все это тесно связано с идеей романа, все это отражает многогранность и богатство самой жизни. Отличительной особенностью «Молодой гвардии» является развитая авторская речь. Писатель ложился в свое произведение и знания из различных областей жизни, и разумные, и широкие исторические обобщения, и государственный опыт. Мы встречаем в романе и психологические характеристики, и научные описания, и лирический пейзаж, и публицистические отступления.

Автор «Молодой гвардии» стремится изобразительными средствами языка раскрыть столкновение и борьбу прекрасного советского мира с миром фашистского варварства, выразить красоту и поэзию советских людей, заставить читателя залюбоваться им, почувствовать необыкновенную духовную мощь нашего народа.

В мир прекрасного писатель вводит нас уже на первых страницах романа, где появляется Ульяна Громова. Отсюда возникают высокий слог, яркие краски, сильные сравнения. Ульяна Громова говорит о ллии такими словами, как «изваяние», «жемчужная», «ослепительная», «оттенков желтоватых», «розоватых», «небесных». Сама Уля «яркой белой кофточкой», «прекрасными» глазами, «попавшими в глаза», «раскрытыми до невиданно глянущего из них сильного света». Не она освещает солнцем — сама героиня освещает нас! Великими и другой пример: когда Олег Кошевой читает Нине Ивановой, в которую он влюблен, свое стихотворение, Нина обдает «его светом своих сияющих глаз».

В таком же духе поэтической любовной лексики рисуется читателю большинство положительных героев романа. Автор часто сравнивает девушек с птицами. Таков принцип живописи в «Молодой гвардии»: выделять красивое, отмечать самое лучшее. Майя Пегляванова — «красивая черноволосая девушка», у Любы «розовые личико», «золотистые волосы», «маленькие, словно выточенные из слововой кости, ручки», «сумное выражение»; Григорий Пуляк, отец Любы, «красив старинной русской красотой». Проценко встречается с партизанским руководителем «мужественное» лицо которого «примечательно было выражением спокойствия, простоты». Отец Ули Матвей Максимович был «орослым, сильным, красивым и отважным парнем с испускающими русыми кудрями»; он был «слабач-забойщик». Анатолий Попов «сумный», в лице его «было выражение душевной силы, да, именно силы — где-то в складке полных губ». У матери Ули глаза были, как у «большой лиски птицы». Когда на страницах романа появляется Олег Кошевой, то читатель уже подготовлен к такому восприятию фадеевской натуры. Он видит лицо, «сверкающее глазами», «с румянцем на щеках», «с выражением необычайного напряжения и силы». Ресницы у него «золотистые». От Олега исходило ощущение «свежести, силы, доброты, душевной ясности».

О Лютковом сказано, что он «мастер на все руки», «умелец», «железной воли и необыкновенной душевной чистоты» человек. О нем говорит автор: «могучим злым броском он подскоки к двери».

Мужественный, могучий, мужественный, торжественный, высокий, умный, строгий, сверкающий, красивый, люткий — таковы эпитеты, которыми наделяет Фадеев своих героев.

Очевидна эмоциональная приподнятость стиля «Молодой гвардии». Это находит свое выражение не только в лексике, но и в ритмико-синтаксических построениях. Фразы в романе нередко сложны, периоды требуют длинного, глубокого выдыхания, отводящего состояние возволенности. Вот типичный пример: «Тоня Баисенко, девушка лет двадцати трех, тяжелой украинской стати, полная, красивая, с черными глазами, страстными до неприимности, сказала Вале например, что она обнимает районный подпольный центр в неопознанных таком шахтерского поселка, как поселок Красодом».

Черты эмоционального стиля, выраженные в «Молодой гвардии» (и во многом напоминающие нам Гоголя, где влияние так ощутимо в романе Фадеева), непосредственно связаны с идейным замыслом: передать гигантское столкновение советского прекрасного мира с фашизмом. Романтико-

лирические элементы стиля не приходят в противоречие с задачами самого реализма, правдивого показа действительности и вовсе не превращаются в ее приукрашивание, если они отвечают природе самой поэтической действительности. Мы вполне согласны с автором романа, который говорит:

«В одной из рецензий на мой роман «Молодая гвардия» во французской газете прозвучало недоброжелательное тем, что в изображении советской молодежи я не показал никаких пороков и полостей».

В рецензии сквозило явное разочарование в том, что советская молодежь живет по человеческим законам, а не по законам экзистенциализма. Но я не виноват в этом и ничем не могу помочь господину рецензенту».

Лютиков, Валько, Проценко, Олег Кошевой и его товарищи «молодогвардейцы» и многие другие, как, например, мальчик Сашко, обрисованы автором и воспринимаются читателями как необыкновенные личности по силе духа, который они проявляют. Герои «Молодой гвардии» — ясные советские люди, простые советские патриоты. Их необыкновенность — лучшее выражение природы советского человека. Героический строй души в советском человеке, показанный в романе, воспитан в людях большевистской партии и Советским государством. И Фадеев говорит о своих юных героях словами, в которых заключено горьковское любовное нашими людьми.

В первой трети романа, там, где герои еще не вступили в неравный бой с оккупантами и где даны картины разрушения шахт и отхода населения перед лицом врага, — в этих главах романа звучит чувство щемящей боли к тому, что гибнет, чувству горячий, пронзительной любви к человеческим советским людям. Отсюда обилие уменьшительных-ласкательных суффиксов в первых главах романа («домик», «квартир», «садожи», «стаевки», «горелья», «судочки», «скатерки» и т. д.).

Золотистые, розовые, голубые, молочные нежные тона, преобладающие в начале романа, постепенно переходят в другие краски. Создается другое настроение. Даже сам поселок меняет свой облик. Вот, например, каким предстает Красодом в сорок второй главе: «Вале судило было провести в этом городе, таком разорванном, беспритворном, с его казематного типа большими зданиями, огромными черными терриконами и застывшими копрами, совершенно лишенном зелени, — провести в нем двое суток...». Уютные стандартные домики становятся домами казематного типа. И люди выглядят по-другому.

Вся атмосфера романа, начиная со второй трети, меняется в своем господствующем настроении. Повторяю, господствующим. И в первой части романа есть эпические сцены. Но эпическое начало с большей силой представлено в картинах не отступления, а борьбы. Во второй редакции романа эпическое начало оказалось еще более усиленным потому, что могучий образ наступающих сталинградских войск вошел, как подлинно исторический эпос, в роман в его новых сценах.

Возвышенному и прекрасному в «Молодой гвардии» противопоставлено духовно и нравственно извращенное. Гитлеровцы — последи античеловеческой силы фашизма — выведены в романе, как не люди. С этим связана и вся система сравнений и фразеологических оборотов, которыми характеризуются фашисты и их прислужники. Гитлеровский генерал фон Венцель со своим «черсто промывальным калымом» — опротиво противив. У его адъютанта «бесцветные глаза». Он был длинный, белый, — как глина». Мастер Брюкнер «хрюкает». Вах-мастер Балдер «очень тучный», «мерно сонит». Его тело при каждом вздохе и выдохе напоминает «опару», заключенную в мушкетир. Этот принцип доведен до гротеска в конце романа, где дается портрет Гестаповца, допрашивающего Олега. Гестаповец похож на миногу. У него «страшные фиолетовые полукруглые под глазами, исходящие из-под углов темных, почти черных век, обглаголенные скулы и растворяющиеся на худых щеках в трупные пятна, придавали вид сверхъестественный, — такой человек мог присниться только в страшном сне».

Это — горьковский принцип изображения врага. Он позволяет широко пользоваться тем, что еще было замечательно разработано в прозе Салтыкова-Шчурина. Т. е. гротеском, пародией, памфлетом, вплоть до плаката и карикатуры. Наши классики доказали, что все эти приемы, если они служат делу реализма, не приходят в явное противоречие, не ведут нас в мир фантазии и теней, а, наоборот, позволяют резче и глубже вскрывать существо действительности.

Язык героев «Молодой гвардии» отличается большим индивидуальным разнообразием. Так, Олег Кошевой, выросший в интеллигентной семье, говорит хорошим русским языком. Он правильно строит фразы. Самым синтаксическим речью Олега Фадеев подчеркивает его внутреннюю культуру. В речи Вани Земнухова, Жоры Арутюняна, Евгения Мошкова и Вани Туркенича подчеркивают тот лексический слой, который дан им советской школой, образован чтением новых книг, газет. В их речи встречается много имен, названий географических мест, фамилий писателей, терминов, научных обиходными для советской интеллигенции. Вани Земнухов любит княжские обороты. Например:

«...юридическое образование таково, что оно дает знания в науках, необходимых писателю... в области наук общественных».

— Положим, эти дисциплины, — сказала Жора не без некоторого сожаления, — эти дисциплины лучше пройти в педвузе».

Рисуя лексическими средствами характер, душевный облик своих героев, Фадеев подчеркивает и различие их в культурном уровне, в условиях воспитания. В словах Сережи Тюленина находим «улычкая» грубоватость, например, «я шесть суток не вымарал» (т. е. не ел), — говорит Сережа. Во второй редакции романа Фадеев в ряде случаев смягчил просторечье, свойст-

венное некоторым его героям, сделал речь их более культурной и правильной. Например, Каютик раньше говорил: «...там дров пруд пруди»; во втором варианте сказано: «Там дров столько как много, а у нас в роте ни одной». При этом Каютик шутливо замечает: «А нам такая девушка очень нужна для прививки настоящей речи и для благородства поведения...».

Использование различных лексических средств, как мы видим, подчинено в «Молодой гвардии» определенным идейным задачам, а не просто является этнографической окраской речи персонажей романа. Например, о Проценко писатель говорит, что, когда тот волновался, то переходил в разговорное даже со своей женой Катей (по национальности русской) с русского языка на свой украинский. Интересно, что отношение людей к языку проходит, как своеобразный мотив, через весь роман во многих местах. Неумение обращаться с языком и косвенно представлены в романе, как свидетельство духовного убожества человека. Фадеев пишет об одном из гитлеровцев: «Недоверчиво относился Швейде к людям других наций — «люди измисли расы, они, собственно, даже не имели права легко связывать слова в фразы, чем это мог делать сам господин Швейде!» (который этого не умел).

Словарный состав «Молодой гвардии» богат. И художник умело, гибко расширяя средствами лексическими и стилистическими средствами русского языка. Но не все, на наш взгляд, может быть оправдано в «Молодой гвардии» с точки зрения тех самых задач, которые решает Фадеев в романе. Укажу несколько примеров.

Во-первых, в романе «Молодая гвардия» немало довольно тяжеловесных фраз, стилистических оборотов. Автор нередко прибегает к обособленным дополнениям, усложняющим повествование. Например: «Я очень боюсь мушкетера, — чистосердечно призналась Тоня Иванюхина со своим детскими крупными чертами лица и длинными ногами».

Автор злоупотребляет порой длинными риторическими и описательными оборотами. Например, вводя в роман хронику военных действий, Фадеев в некоторых местах перечисляет по два десятка названий населенных пунктов, освобожденных Советской Армией. Понятно стремление автора усилить назывательную сторону романа. Но то, что записано в сводке Информбюро, вряд ли уместно целиком повторять в текст художественного произведения.

Во-вторых, мне представляется излишним насыщение романа сравнениями и сравнениями, взятыми из героического обихода. Например: облака сравниваются с белыми ангелами с серебряными трубами. В романе много таких слов и выражений, как «огненная кузница», «да живет во веки веков память об этих людях» и т. д. В новой редакции романа Каютик говорил об Уле: «Урани господ и православная церковь ее красота». Это говорится, конечно, ради шутки, но звучит малодушно. Гвардейские минометы сравниваются в романе с хургувами. Прежде всего это не похоже. А затем, кто из советских читателей, особенно молодежи, имеет живое представление о том, что такое церковные или польские хургувы? Разумеется, близкими в «Молодой гвардии» употребляются автором не в прямом смысле. Это чисто литературный оборот, используемый в своей традиционной функции: выразить торжественное, подымать на высокий лад. Но нужны ли такие обороты?

В-третьих, не всегда удачно используется фольклорная поэтика (хотя в целом она основа речи в романе). Так, например, о старике Земнухове говорится, что «еще молодым парнем, выходящим из Тамбовской губернии, он начал ходить на шахты на заработки. И в глубоких недрах доносил земли, в самых страшных условиях и ползунах, немало закрепил выработку его чудесный топорик, который в руках у него поклепывал, играл и пел, как золотой петушок».

Фольклорный «золотой петушок» помещал Фадееву для реалистической образ шахтерского труда. Тем более, что образ поклепывающего «золотого петушка» должен быть отнесен к работе старика Земнухова на доломово-шахтерской шахте.

Так же точно фольклорный прием помещал автору романа более глубоко раскрыть образ генерала по прозвищу «Колобок». Автор увлекся этим фольклорным прозвищем «Колобок» (так же, как образом «золотого петушка») и сузил себе задачу. Вместо создания углубленного человеческого портрета Фадеев пошел по линии «оправдания» народного прозвища.

В-четвертых, далеко не всегда оправдана «смешанная» речь, которой говорит некоторые из героев. Как известно, Гоголь в последующих изданиях «Вечером на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбы» освобождает свой словарь от украинизмов, предпочитая правильную русскую литературную речь смешанной.

В-пятых, хотя автор и не злоупотребляет научной терминологией, областными диалектами и т. п., во все же можно было бы освободить роман от ряда словечек, которые читатель может найти только в специальных словарях или у Дая. Таков, например, геологический термин «сниклянка» (во веком случае, такой термин надо объяснять в тексте) или такие словечки, как «скупануть» — из псковского диалекта или «оклепывать» — из северных диалектов.

Языковые и стилистические поиски в «Молодой гвардии» — при отдельных ошибках или спорных решениях — имеют принципиальный интерес для путей развития социалистического реализма. Эти поиски свидетельствуют о стремлении нашей литературы, в лице одного из ее передовых представителей, расширить языковые средства, подчинить их реалистическому показу жизни в борьбе, в столкновениях, в живом движении и развитии. Язык «Молодой гвардии» дышит современностью. При всех его отдельных погрешностях он далеко от книжности и школьной «правильности». Язык романа поучителен для молодых писателей, для педагогов, для широкого читателя: на словесной ткани «Молодой гвардии» отчетливо видна глубокая связь идейного содержания романа с его языком и стилем.

ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА

В оргкомитете Союза советских художников СССР состоялось совещание, посвященное улучшению качества политического плаката.

Обсуждение открыл кратким выступлением своим президент Академии художеств СССР А. Герасимов. Докладчик — член-корреспондент Академии художеств П. Сысов указал на огромное значение недавно опубликованной редакционной статьи «Правды» для дальнейшего развития советского плакатного искусства. На ряде примеров докладчик показал, как пагубно влияют на работу даже опытных мастеров плакатного искусства схематизм и штампы. П. Сысов особо остановился на антиреалистической сущности так называемого «фотоотраженного» плаката, получившего распространение в последнее время. Слабое знание плакативной жизни, неправильное во многих случаях понимание специфики плаката, нетребовательность редакций к произведениям плакатного искусства, наконец, плохой, особенно в местных издательствах, полиграфический исполнителю плакатов — этим прежде всего объясняется отставание политического плаката.

С докладом выступили Д. Заславский, А. Рыбин, В. Веймар.

Д. Заславский напомнил о славных традициях сотрудничества литераторов и художников сложившихся еще в годы гражданской войны. Он говорил о замечательном примере Маяковского, работы которого в области плакатного искусства — превосходные образцы органического сочетания текста и рисунка, сливавшихся в единый, лаконичный и яркий образ. Традиции сотрудничества поэтов и художников, за последние годы почти заглохшие, должны быть возрождены, продолжены и расширены.

В. Веймар ознакомил собравшихся с планами работы Академии художеств СССР в области плаката.

Доклады вызвали оживленные прения. С. Маршак говорил о том, как много ценного может принести поэту работа над текстами для плаката, приносящая к лаконичному, четкому выражению мыслей. Создать образную подпись под плакатом, звучащую, как призыв, — это задача, требующая большого, отточенного мастерства.

О необходимости развивать сатирический плакат говорил С. Михалков. Он предложил ввести в обиход «сатирические листки». В своем выступлении В. Кеменив подробно разобрал тематический план выпуска плакатов издательства «Искусство» и отметил его недостатки.

Чаще и, главное, лучше работать над плакатом призвал мастеров живописи плакатист В. Говорков.

Следует отметить, что обсуждение редакционной статьи «Правды» было недостаточным подготовлено оргкомитетом Союза советских художников. Большинство ведущих плакатистов Москвы на собрании не выступило, хотя от них прежде всего следовало ожидать развернутой выступления.

15-томное собрание сочинений В. Гюго

Вчера редакционный совет Гослитиздата утвердил план издания 15-томного собрания сочинений Виктора Гюго. Оно будет выпущено 150-тысячным тиражом. Как мы уже сообщали, первые два тома выйдут в этом году.

Такое обширное массовое издание сочинений Гюго — общий объем его составит около 500 печатных листов — впервые предпринимается в СССР. Ряд произведений до сих пор не переводился на русский язык. Публицистика, значительная часть стихотворений и некоторые драмы будут даны в новых переводах. Семь томов займут романы: «Собор Парижской богоматери», «Отверженные», «Труженики моря», «Человек, который смеется», «Девяносто третий год» и другие. Два тома составят драматургия: «Марион Делорм», «Зритель», «Король забывает свое имя», «Марион Делорм», «Тюдор», «Рюи Блаз» и другие. Два тома займет основная часть поэзии. Издание будет завершено в 1955 году.

ОБСУЖДЕНИЕ «ОЧЕРКА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького закончилось продолжавшееся три дня обсуждение «Очерка истории русской советской литературы».

Выступавшие высказали много ценных критических замечаний. Отмечалось, что «Очерк» слабо, отвлеченно изображает нашу советскую действительность, характеристика литературы не связывается закономерно с особенностями жизни и борьбы советского народа. Указывали на имеющиеся в сборнике опечатки и схематизм в подходе к явлениям литературы.

«Очерк», как правильно отметил А. Сурков, дает обобщенное представление о нашей литературе. Можно ли согласиться с тем, что лишь пять писателей представлены монографическими «портретами» (М. Горький, В. Маяковский, А. Толстой, А. Фадеев, М. Шолохов)?

В «Очерке» не нашли достаточного отражения великие традиции русской классической литературы.

Вместе с тем выступавшие отмечали, что в книге собран большой материал. Имеются главы, написанные интересно, свежо. В обсуждении приняли участие научные работники, преподаватели вузов (А. Абрамов, Т. Веселовский, А. Троицкий, И. Эвентов и др.) и писатели (М. Шатин, В. Катаев, С. Кирсанов). Но Союза советских писателей еще, повидимому, не отказался от неверной позиции «полублагожелательного нейтралитета», по выражению А. Суркова.

Задача Института мировой литературы имени А. М. Горького — при помощи Союза советских писателей использовать итоги обсуждения, продолжить и завершить начатую работу.

Новые книги

Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим. Перевод с английского А. Крышовой и Е. Ланна. Т. 1. Гослитиздат. 492 стр.

Корнатиан Т. Лауреат Сталинской премии. Повесть. Владивосток. Примиздат. 132 стр.

Любимов В. Под солнечным небом. Пьеса в четырех действиях, шести картинах. «Искусство». 136 стр.

Мао Дунь. Перед рассветом. Роман. Совершенно новый перевод с китайского В. Рудман. Гослитиздат. 484 стр.

Наринский С. Фельетон. «Советский писатель». 139 стр.

175 лет Калужского театра (1777—1952). Сборник статей. Калуга. Издание газеты «Знамя». 120 стр.

Сюндюке М. Думы о Донбассе. Авторизованный перевод с баширского Н. Милованова. Уфа. Башгосиздат. 75 стр. В книге — поэма «Макар Мазай» и стихи.

Невыскательная редакция

По страницам альманаха „Литературная Мордовия“

Альманах «Литературная Мордовия» начал издаваться в 1940 году. Вышло восемь книг альманаха. Содержание их весьма разнообразно. Помимо большого количества стихов, здесь представлены все виды прозы, начиная от короткого рассказа и кончая романом; значительное место занимают очерки, появляются критические и теоретические статьи. На страницах альманаха можно увидеть немало имен молодых писателей. Но, как это ни странно, наименьшее место занимают в альманахе произведения, переведенные с мордовских языков, имен лучших мордовских писателей здесь почти не видно. Одна из задач альманаха — знакомить советских читателей, не владеющих мордовскими и эрзянскими языками, с достижениями мордовской литературы. Однако уровень опубликованных в альманахе прозаических произведений показывает, что редакция подходит к отбору материалов с весьма невысокими требованиями и что она не ведет должной работы с авторами.

В печати уже не раз отмечалась слабость отдела прозы альманаха. Редкий номер не подвергался суровой критике в республиканских газетах. Но редакция, видимо, не считает нужным прислушиваться к голосу критики. Подтверждением этого может служить содержание двух последних номеров альманаха — 3 (7) и 4 (8).

В номере 3 (7) опубликована первая часть романа Якова Слушкина «Семья Кочуровых», получившая резко отрицательную оценку мордовской общественности. Но в номере 4 (8) читатели все-таки нашли столь же несовершенное продолжение этого явного не заслуживавшего опубликования произведения.

Сюжет романа не вызывает возражений. Главный герой — Сергей Кочуров — коммунист, окончивший Тимирязевскую академию, после многолетнего отсутствия возвращается во время войны в свой родной мордовский колхоз. Односельчане избирают его председателем колхоза. Под новым руководством хозяйство в короткий срок из отсталого превращается в передовое.

Беда не в сюжете, а в том, какое художественное воплощение нашли в произведении мысли автора. Главной ошибкой Я. Слушкина является, на наш взгляд, то, что он нагнетает только уродливые факты и не противопоставляет им ничего, кроме невыразительных безглыб информаций. В романе описывается мордовский колхоз. Действие происходит в 1942 году. Однако по внешнему виду колхоз этот мало чем отличается от деревенской деревни. И дело здесь не в трудностях военного времени. Трудности, связанные с войной, в колхозе «Од Веле» как раз почти не чувствуются. Все бедо происходит исключительно из-за отсутствия хорошего руководства. А руководителем этого не только нет, но и не было никогда по той причине, что колхозники, по выражению автора, еще до войны «все куда-то поразбегались».

В колхозе есть и партийная и комсомольская организации. Но работа их не видна в романе. Образ единственного выведенного в романе комсомольца — брата Сергея — Митяя производит крайне мрачное впечатление. Юноша этот не только плохо учится, но и ворует понемному, а поступил учиться в колхоз, очень скоро превращает ее в свое личное доходное предприятие — выписывает, главным образом, частные заказы за соответствующее вознаграждение.

При всем этом роман Слушкина — отнюдь не сатирическое, разоблачающее произведение. Автор не обличает и не грозит, а просто изображает картины, одна другой безотрадные.

В романе нет живых людей. Большую часть действующих лиц автор сумел наделять лишь именами. Я. Слушкин не умеет рисовать характеры и отношения людей.

Читатель так и не узнает из этого романа самого главного — того, как шел процесс превращения колхоза «Од Веле» из отсталого в передовой, как вместе с ростом колхоза росла его люди. А ведь именно показ этого процесса и должен был стать основой произведения.

Очень плохо владеет автор литературным языком. В романе то и дело мелькают такие фразы: «Среди этой пестроты цветов и ароматного запаха Таня наполнилась предвзбудом чувства природы...». «Митяя уже обождала за плохую учебу...». «Возвлек оставовля лошадей, женщины попросили».

Неудовольнительное состояние альманаха нельзя объяснить никакими объективными причинами. Дело здесь в слабой работе самой редакции.

Писательской общественности Мордовии необходимо, наконец, обратить серьезное внимание на свой альманах.

ли подвести Вову и его мать, но Мария так казалась, говоря, что ноги мои не выдержат...». Спрашивается, чьи ноги?

В романе есть несколько удачных сцен. Жизнь чувствуется, например, в описании борьбы с ледоходом. Запоминается и сцена в начале романа — там, где Анна, стоя на перроне, ждет, не поспешит ли ей увидеть среди проезжающих на фронт бойцов своего сына. Эти страницы свидетельствуют о том, что Я. Слушкин не лишен литературных способностей. Но редакция должна была работать с ним. Вместо этого она опубликовала совершенно сырое, непродуманное произведение, так сказать, в его первоначальном виде, не выправив даже грубых стилистических ошибок.

Нынешний художественный уровень и других помещенных в последние двух номера альманаха повестей. Упомянем хотя бы о «Золотом волокне» И. Юровского в № 4 (8). В отличие от Я. Слушкина у И. Юровского нет тяготения к описанию уродливых фактов. В «Золотом волокне» речь идет, главным образом, о являющихся положительных. И. Юровский впадает в другую крайность — он до такой степени старается все препятывать на жизненном пути своего героя, так вырывает и расстилает этот путь, что в результате лишился произведения жизненной правды.

Повесть посвящена жизни советского завода, растущего и совершенствующегося в процессе помощи фронту. В маленьком тыловом городке возвращается после тяжелого ранения фронтовик Алексей Светлов. На завод он поступает бригадиром агрегата. Сразу же, можно сказать, одним махом своим руками налаживает работу на вверенном ему участке. А на 35-й странице директор уже просит Алексея Светлова взять на себя руководство заводом.

Трудно сказать, как будет развиваться действие во 2-й части (напечатана пока только 1-я), но недостатки повести видны уже сейчас. Опубликованные главы, — по существу, всего лишь развернутый план произведения, но никак не цельная, законченная часть. Работа и жизнь коллектива завода в ней почти не показаны.

Низкий уровень альманаха особенно ясно чувствуется в литературно-критических его разделах. Мы будем останавливаться на разборе всех статей, помещенных в альманах, а упомянем лишь об одной — «О приемах писательского мастерства» — принадлежащей перу критика Н. Заколкинского, так как в ней дается указания молодым писателям. Не говоря уже о том, что статья эта изобилует стилистическими ошибками и может служить образцом того, как не следует писать начинающим авторам, произведение Н. Заколкинского содержит весьма оригинальные оценки творчества русских классиков, на опыте которых критик пытается обучать молодежь.

Так, Н. Заколкинский критикует тургеневские приемы создания литературного портрета. Критик пишет: «Знакомия впервые читателя с вновь выведенным на сцену лицом, Тургенев иногда пользуется устаревшей, даже для своего времени, манерой. Выводит новое лицо, но обыкновенно сопровождает его появление подробным описанием наружности, примерно по такому шаблону...». Приведя затем ряд портретов бессмертных тургеневских героев (от Ермакова до Глары Милуй), автор резюмирует: «Такое тесное сопоставление ряда физических признаков нецелесообразно с точки зрения процесса воображения: лоб, глаза, уши, волосы, кафтан, шаровары... Все это так быстро следует одно за другим, что не в состоянии оставить в сознании читателя сколько-нибудь заметного следа...».

Неудовольнительное состояние альманаха нельзя объяснить никакими объективными причинами. Дело здесь в слабой работе самой редакции.

Писательской общественности Мордовии необходимо, наконец, обратить серьезное внимание на свой альманах.

Неудовольнительное состояние альманаха нельзя объяснить никакими объективными причинами. Дело здесь в слабой работе самой редакции.

Писательской общественности Мордовии необходимо, наконец, обратить серьезное внимание на свой альманах.

Е. ДОНСКАЯ

Странная полемика

Газета «Львовская правда» (№ 90) выпустила со статьями писателей И. Козлянюка и Ю. Мельничука, в которой подвергла резкой критике библиографический указатель произведений Ярославла Галана, недавно вышедший львовской библиотечной Академии наук УССР. Эта статья утверждает, что составители и редакторы «Указателя» допустили большое количество грубых фактических ошибок и непростительных промахов.

Читатель готов уже согласиться с авторами статьи. Но вот он берет вышедшую в прошлом году книгу «Ярослав Галан», автором которой является тот же Ю. Мельничук, подписавший вместе с И. Козлянюком разоблачительно-критическую статью в «Львовской правде». И читатель начинает удивляться. Ведь в этой книге Ю. Мельничук утверждает именно то, что он же сам вместе с И. Козлянюком жестоко критикует!

Статья, например, считает путанным и невнятным упоминание авторов «Указателя» о том, что Я. Галан принимал участие в подготовке львовской апрельской демонстрации безработных и утверждает, что он вообще не был в это время во Львове! Далее, И. Козлянюк и Ю. Мельничук отрицают, что Я. Галан был организатором антифашистского конгресса в 1936 году. Но в своей собственной книге тот же Ю. Мельничук пишет: «В апреле 1936 г. Ярослав Галан принимал участие в подготовке демонстрации безработных во Львове и был свидетелем кровавого четверга — зверского расстрела польской полиции рабочей демонстрацией». И тут же сообщает, что Ярослав Галан и Александр Гаврилюк были официальными организаторами антифашистского конгресса защиты культуры.

В данном случае речь идет не об отдельных ошибках критиков и литературоведов. Плохо, когда в советское литературоведение проникают элементы беспринципной полемики, не только никому не нужной, но и вреднейшей обществу. Особенно плохо, когда такую беспринципную полемику заводят вокруг славного имени погибшего на боевом посту пламенного писателя-большевика.

Владко

Чернильное пятно

Ребята еще не совсем привыкли к Роже, новому учителю, назначенному на это место... первое его место... около трех месяцев тому назад. Большинство учеников при нем робело. Но сейчас двое из них ссорятся из-за чернильных пятен. У одного совсем новая, фиансовая, у второго — медная, вся во вмятинах, в зеленых пятнах окиси, от которых чернела, высыхая, становилась голубыми. И все-таки мальчики вызывают симпатию у Роже. Обладатель фиансовой чернильной пятнышки прикрыл ее ладонью, второй ухватил край сушеной тряпочки, на которой стоит чернильница, и таяет ее к себе, поглядывая искоса на учителя. Роже делает вид, что ничего не замечает, но он понимает, что сейчас должно произойти. Первый мальчик резко приподнимает ладонь, чернильница опрокидывается на парту вверх дном, как клонувшийся волчок. Все смеются. Шалуны встают, и каждый сваливает вину на другого. У обладателя медной чернильницы колени залезли чернилами, на рубашке тоже большая вляпка.

— Очень остроумно!
Роже тут же задает себе вопрос: это ли надо было сказать, чтобы завоевать симпатию ребят и одновременно упречь их? Повидимому, он попал в цель — оба преступника не выжидают перерыва. Они беззаботно смеются вместе со всем классом. Роже, пожалуй, боится больше их, он боится, что директор снова придерется к нему из-за этого большого чернильного пятна на свежо отглаженной желтой парте. Он скажет: господин Ланглюа, дисциплина у вас хромает.

Дело, конечно, не в этом, а в той политической атмосфере, которая царит в школе с тех пор, как были реквизированы два класса для американских детей. Произошло это в ноябре. В начале учебного года Роже пригласывал к своим слушателям, а те, в свою очередь, включая и директора, изучали его. Казалось, они выработали твердо установившийся принцип — никогда не говорить между собой о политике, исключая те случаи, когда они это делают сами того не замечая. Директор был поклонником Андра Жюда*, которого, неизвестно почему, называл всегда Жюда. Произносили он это имя записывая, словно с трудом, приподнимая при этом свои густые седые брови. Он говорил о нем «своим», как он их называл, учителям — Роже и остальным, прохаживаясь с ними по двору во время перемен. При этом он держал руки за спиной и каждый раз, когда достигал конца двора, круто поворачивал, проносясь «оттуда».

С тех пор, как реквизировали оба класса, все переменилось. В школе и так уже было тесно, а тут пришлось всех ребят втиснуть в оставшиеся пять классов. Кстати, стало понятно, почему к началу учебного года были сокращены два учителя, и, таким образом, директору и господину Тирмону приходилось одновременно заниматься с двумя классами: пока кто-нибудь из старших учеников следит за одним классом, учитель занимается с другим.

Волей-неволей все это обсуждалось. Очень скоро все увидели, как в школе, так и в городе, насколько реквизиция носила возмущительный характер. Сначала из мэрии приехал грузовик, чтобы вывезти из обоих классов все имущество, включая грифельные доски, лашы, абжуры. После чего появился отряд малорос, потому что, видите ли, чернильные пятна... Потом пришли полотеры. Наверное, школьные полы никогда не ожидали такого ухода за ними! После всего этого тот же грузовик мэрии привез совершенно новую мебель, парты на одного ученика, грифельные доски, постоянно черные, не то что школьные... Но самым потрясающим была установка дневного света да еще четырех печек, по две на каждый класс, потому что, и это было подчеркнуто, необходима температура в 24 градуса. Так заняла молоденькая американская учительница, которая ежедневно приходила проверять, как идут работы. Сказала она это директору, конечно, по-английски, так как она не знает ни слова по-французски.

Нидерское оборудование школы стало еще больше бросаться в глаза как учителям, так и школьникам, которые рассуждали обо всем дома. Во всей истории было что-то унизительное. Холод в классах, плохое в некоторых из них освещение, грязные стены, требующие ремонта, мебель девяностого года — все это стало еще заметнее и оскорбительнее.

Учителя, дети и их родители испытывали на себе, что значит презрение оккупанта. И как бы ни старался директор, разговора об этом нельзя было избежать. Особенно вызвала горький смех одна подробность: большинство муниципальных советов установило за аренду классов чисто символическую сумму в один доллар. Воистину символ водичку. Роже считал своим долгом говорить обо всем этом, несмотря на сопротивление директора и на все, что ему угрожает. Если педагог чем-нибудь недоволен, его могут без всякого утверждения наверх снять с работы и заслат в гаушу, отрезанную от железной дороги деревушку. Вот к чему приводит новый порядок, унаследованный от вишиевского «правительства», порядок, по которому ни один новый учитель фактически не зачисляется в штат. Роже хотел бы защитить диплом, но попробуйте это сделать, продолжая работать в школе. Вернемся к директору. Его оштрафовали почти так же плохо, как и учителя, но он считает себя представителем власти и гордится этим, хотя на самом деле он смешон. Учителя понимают это, но все они, за исключением Роже да еще другого молодого педагога, господина Пика, просто из худа беззащитности, — все они предпочитают вести себя с хозяином «дипломатически», как они говорят.

Роже знает, что недалеко то время, когда директор найдет предлог, чтобы избавиться от него. Но зря он придирается к слабой дисциплине. Вот почему, пока ребята вытирают парту, Роже со строгим выра-

Мы публикуем сегодня отрывок из нового, еще не переведенного на русский язык романа прогрессивного французского писателя Андре Стиля «Пушечный залп». Новая книга Стиля является продолжением широко известного советскому читателю романа «Первый удар», в котором писатель рассказывает о героической борьбе французских докеров против американских оккупантов. Как и в «Первом ударе», в своей новой книге мужественный писатель, которого французские ланен Уолл-стрит арестовали и заключили сейчас в парижскую тюрьму Сантэ, разоблачает гнусные действия янки-оккупантов на французской земле.

В публикуемой нами главе рассказывается о жизни портовой школы, часть помещения которой отобрана для детей американских офицеров.

Неизвестно, говорил ли он это с заднего мысленно или просто, соблюдая школьные традиции, превратившиеся уже в какие-то обряды. Как все знают, он старательно, преданно выполнял их все двадцать пять лет своей педагогической деятельности, как, впрочем, и его жена, которая учительствует почти столько же времени в пятидесятых метрах отсюда, в школе для девочек. Как бы там ни было, американки настроены отказались прийти. Они нашли неслыханное предложение прийти в классы, да еще вдобавок с грязными стенами, чтобы быть представленными учителям и детям. Они отказались весьма резко о французской галантности. Даже господин Шевро они держали на расстоянии от себя. Утром, в обеденный перерыв и вечером прибывала целая колонна автомашин — они приносили и увозили детей и учительниц. Можете представить себе, как на это глядели наши ребята, которые вообще любят поглядывать на машины, и как трудно было их удержать на месте — то один, то другой украдкой вставал, чтобы взглянуть на улицу...

Особенно трудно с ними теперь, после того крупного инцидента, который произошел на этих днях... Какого-то времени американские ребята приходили одновременно с нами и перемены у них были общие. Дети остаются детьми. Среди них хотели поговорить с новичками, другие не желали и близко подходить к ним. Наверное, победила бы первая часть двора, где их бытуют изолированы. Потом, чтобы еще больше разделить детей, они изменили расписание, и теперь двор находится в их полном распоряжении.

Вот тут одержал верх второй лагер. Во время уроков чувствовалось, что дети что-то замышляют. И вот однажды вечером, после конца занятий, гроза разразилась. С чего все началось, неизвестно. Видели только, что сынница Гиттона, один из лучших учеников первого класса, набросился на американца, кстати более рослого, чем он, и свалил его. Впоследствии он заявил: «А чего они лупят на нас глаза. И всегда они так, и утром, и когда уходят из школы». Американец, конечно, начал зашищаться, а пока их разнимали, с десяток других всплескились друг в друга. Настоящая свалка.

Все это происходило на глазах матерей, которые пришли за детьми, и на глазах у американских шоферов. Господин Шевро раздала направо и налево позатыльные своим ученикам, американки от него не отставали, но били, конечно, не своих учеников. Матери растерялись, особенно когда увидели, что американские солдаты тоже собираются принять участие в потасовке. К счастью, господин Шевро, чтобы не усугубить положения, на этот раз поступил решительно. Он прервал путь американским солдатам и так властно запретил им входить во двор, что те отступили. Потом он собственноручно закрыл ворота. Никогда ребята не были в таком неизвестности. Они даже дрались с директором, которого обычно очень слушаются, и кричали ему, словно он внезапно потерял всякую власть над ними: «Почему вы бьете нас? Ведь это наша школа!» Дети, не принимавшие участия в драке, столпились вокруг остальных и отражали их от директора и его помощников. Они выкрикивали то, что слышат и читают повсюду: «В Америку! В Америку!» Днялось это не дольше минуты, и ни та, ни другая сторона серьезно не пострадала. Но вопрос встал во всей остроте.

Скрыть подобное происшествие невозможно. На следующий день о нем говорили все. Многие, в знак протеста, не пришли в школу. Господин Шевро хотел бы наказать виновных, но господин Тирмон встал против этого, выпытал и даже привел своих коллег к нему присоединиться. Господин Шевро удивился, растерялся, увидев, что неповиновение перекинулось и на учителей. Он поинтересовался, по господину Тирмону, пользуется ли директор теми же правами, что и его помощники. Они выкрикивали то, что слышат и читают повсюду: «В Америку! В Америку!» Днялось это не дольше минуты, и ни та, ни другая сторона серьезно не пострадала. Но вопрос встал во всей остроте.

Скрыть подобное происшествие невозможно. На следующий день о нем говорили все. Многие, в знак протеста, не пришли в школу. Господин Шевро хотел бы наказать виновных, но господин Тирмон встал против этого, выпытал и даже привел своих коллег к нему присоединиться. Господин Шевро удивился, растерялся, увидев, что неповиновение перекинулось и на учителей. Он поинтересовался, по господину Тирмону, пользуется ли директор теми же правами, что и его помощники. Они выкрикивали то, что слышат и читают повсюду: «В Америку! В Америку!» Днялось это не дольше минуты, и ни та, ни другая сторона серьезно не пострадала. Но вопрос встал во всей остроте.

Скрыть подобное происшествие невозможно. На следующий день о нем говорили все. Многие, в знак протеста, не пришли в школу. Господин Шевро хотел бы наказать виновных, но господин Тирмон встал против этого, выпытал и даже привел своих коллег к нему присоединиться. Господин Шевро удивился, растерялся, увидев, что неповиновение перекинулось и на учителей. Он поинтересовался, по господину Тирмону, пользуется ли директор теми же правами, что и его помощники. Они выкрикивали то, что слышат и читают повсюду: «В Америку! В Америку!» Днялось это не дольше минуты, и ни та, ни другая сторона серьезно не пострадала. Но вопрос встал во всей остроте.

Скрыть подобное происшествие невозможно. На следующий день о нем говорили все. Многие, в знак протеста, не пришли в школу. Господин Шевро хотел бы наказать виновных, но господин Тирмон встал против этого, выпытал и даже привел своих коллег к нему присоединиться. Господин Шевро удивился, растерялся, увидев, что неповиновение перекинулось и на учителей. Он поинтересовался, по господину Тирмону, пользуется ли директор теми же правами, что и его помощники. Они выкрикивали то, что слышат и читают повсюду: «В Америку! В Америку!» Днялось это не дольше минуты, и ни та, ни другая сторона серьезно не пострадала. Но вопрос встал во всей остроте.

На следующий день в школу прибыл инспектор. Он устроил чудовищный скандал, намылил голову директору и угро-

жал ему высканьем. Все это происходило в доме господина Шевро, прилегающем к школе. Перепуганный директор не знал, какому богу молиться. Он пытался свалить всю ответственность на учителей, которые отказались наказать виновных, но инспектор совершенно не улыбался перспектива сражаться со всеми педагогами. «Кто является директором школы, вы или я? Если бы мне пришлось заниматься всеми школами округа, до чего бы мы дошли?»

— Из-за вас у меня будет первое высканье в жизни.
— Как это из-за нас? — возмутился Роже. — Разве мы виноваты, что американцы вторгаются к нам?

Это было сказано без всяких обиняков. До сих пор ни в одном разговоре Роже не заходила так далеко. Но атмосфера была такова, что учителя и не моргнули. Зато господин Шевро бросил на него подозрительный взгляд, словно он нашел способ, как выгнать из заварухи, в которую он влился...

Он повернулся спиной к учителям и ушел в свой класс.
— По-моему, директор, — стал рассказывать господин Тирмон, увидев своих сослуживцев в обычную прогулку по двору, — а их знал на своем веку несколько десятков, и многих очень близко, по-моему, они делятся на два сорта...

Он говорил это как бы между прочим, возможно, что ему пришла в голову мысль, не имеющая ничего общего с происходящим.
— Два сорта. Один — честно заслужили свое место, они самоотверженно трудились, отдавая себя детям. К счастью, их огромное большинство. Эти ничего и никогда не боится. Они выполняют свой долг. Во время войны, во времена Виши случалось, но инспекторы к ним придирались, но они не отступали ни на шаг. Я знал таких... И никто не ренчался их тронуть. Но есть другой сорт, их не так уж много, но они попадают — подхалимы, кулишники своею должностью тем, что соглашаются с кем пошло. Этих иногда боится их заместители, но сами они еще больше всего боится. Они не живут ради работы, они живут в страхе, что на них недоброжелатель посмотрит наверх, чем бы, кстати, ни было это «наверху»...

В это время вернулся Шевро.
— Господа, — сказал он внезапно с такой торжественностью, словно обращаясь к незнакомкам, — во всяком случае мы должны объяснить нашим ученикам всю несправедливость таких столкновений между детьми.
Бесспорно. Хотя это легче сказать, чем сделать. Наши дети очень хорошо чувствуют, что к приходу американцев в городе многое изменилось. Они слышат разговоры, они уже сами многое понимают. Никто не смеет их убоить в том, что ничего не происходит, что тревога и возмущение их родителей ничем не обоснованы, что борьба, которую ведет город, ничем не вызвана. Да и кто имеет право подпадать это пробуждающееся в детях чувство национальной гордости под предлогом, что они несколько ошибаются в объекте? По правде говоря, нужно разъяснить одно — американские дети в этом не виноваты. Но как это сделать, не указывая на настоящих виновников?

— Господин Шевро к тому же прибавил: — Прощу вас, никакой политики в стенах школы. Если и есть люди, которые свет ненависти даже в сердцах детей... Это было настолько глупо, что Роже лишь присвистнул. Бесспорно, что даже Тирмон, Лик и Нерье ни на минуту не приписывали школьные беспорядки коммунистам. А Шевро именно это и подрауэвал. Тирмон, как и Шевро, социалист. Поэтому он считал своим долгом выправлять все, что Шевро извращает. В общем он как бы протестует против искажения его собственных убеждений.
— Знаете что, Шевро, — сказал Тирмон, — ненависть не необходимо сеять, когда детей ставят в такое положение. Она сама вырастает. Все, что мы можем сделать, — это помочь ей расти в правильном направлении.

Так же думал и Роже. Да и сами дети многое поняли. Видимо, родители дали им необходимые объяснения. Они ни о чем не сожалели, но и не вполне уверены в правильности своего поведения... Должно быть, дома им сказали, что офицерские дети не виноваты в том, что их неправильно воспитывают. В этом никто не сомневается. Стоит увидеть, как прохожие смотрят на американских детей. Наряженные, как принцы, они явно ни в чем не нуждаются, у них, должно быть, полно новых игрушек, их возят на машинах, и все же самая бедная жена докера глядя на них с каким-то сожалением, словно эти дети являются жертвами того, против чего борются докеры. Это чувство жалости порождено ненавистью, которую питают докеры к тем, кто своих детей приобщает к гнусному делу оккупации, заставляет их принимать в нем участие, кто учит их с малолетства колонизировать страны, презирать людей, народы, кто отагет их в школу войны. Американские дети вызывают жалость и какое-то чувство ответственности за них, более сильное, чем то, какое испытывают их собственные родители. Нередко можно увидеть, как тот же докер, который ночью вывел из забора огромную надпись: «Go home!», встретив одного из этих нахальных мальчишек, остановится, чтобы потрепать его по плечу.

При сложившейся обстановке говорить, что в школе не должно быть политики, — это значит, гитить в облаках. В действительности дети заняты политикой. Те вопросы, на которые они не получают ответа от педагогов, дети задают родителям. И для ребенка весьма поучительно, что скорее любой докер способен растолковать ему сущность вещей, чем официальные распространители науки...

Перевод с французского Ирины ЭРБУРГ

ЛИЦЕМЕРИЕ ДЕТОУБИЙЦ

Американский офицер присел на корточки возле корейского ребенка. Он примеряет малышу башмачок. Едва ли вторая голая нога ребенка будет обута. Аппарат селену — комедия сыгранна. Американский верзил, отшпырнув башмачок, возьмет пистолет.

Этот бесстыдный по своему лицемерию снимок, на котором янки делает вид, что обувает ребенка, был помещен 7 марта 1952 года в так называемом «Женевском вестнике свободного мира». Да, это такой «вестник» службы пропаганды англо-американских интервенционистских войск в Корею. Интервенция усердно усвоила наставление Гитлера: прите без зорения совести! Пусть ваша ложь будет столь чудовищна, чтобы ни один человек не подумал, что врать можно так нагло.

Не в тот ли самый час, когда откормленный американский молодойник цинично позировал перед фотоаппаратом отдела пропаганды войск интерентов, на Пхеньян была сброшена бактериологическая бомба? Во всяком случае, это произошло в тот же день 7 марта 1952 года. Корейскому мальчику Хан Кен Суну было шесть лет. Хан Кен Суну шел третий год. Они знали: американцы — это бомбы и расстрелы детей. Братья погибли в корчах и судорогах. Теперь все дети Кореи знают: американцы еще — и холера!

Ты, присевший на корточки перед фотоаппаратом американский офицер, ты не поднял глаз в объектив. У тебя глаза убийцы — ты не посмел показать нечеловеческую их пустоту. Сколько сотен корейских детей расстреляла твои руки?

Вот один из них. Только кончился налет на Пхеньян. Мертвое тельце под обломками разбитого дома... Нет! Никакие сентиментальные снимки, никакая ложь выученников Гитлера из отдела пропаганды войск интерентов правды не скроет. Эта правда об изверствах янки в Корею предстала перед всем миром в заявлениях комиссии Международной демократической Федерации женщин и Международной ассоциации юристов-демократов, о ней свидетельствуют тысячи жертв американских палачей. Тщетыи живые речи чиновников из Белого дома, трусливо стремящихся спрятать концы в воду!

Настанет время, и американским убийцам придется ответить. За то, что миллионы корейцев остались без крова. За каждый детский труп, за все могильные холмики вдоль дорог Кореи. За те сотни детей, которые были зарыты в землю живыми в районе Хванхя. И за сына Хон Сын Пхе из города Наман, четырехлетнего мальчика, который был привязан бандами к дереву и зарезан кухонным ножом. И за тех детей, которые по приказу офицера Гаррисона были облиты бензином и сожжены в районе Синххона 18 октября 1950 года. И за мальчиков Хан Кен Сена и Хан Кен Суна, зарезанных 7 марта 1952 года холерой.

Лицемер, примеряющий башмачок на ногу подбитого тубоу ребенка! Ответишь ты. Корейский народ ведет счет преступлениям. Рассстреленное детство — в первой строке этого грозного счета. День расплаты наступит.

М. ПРИЛЕЖАЕВА

КАК УЧАТСЯ В УРУГВАЕ...

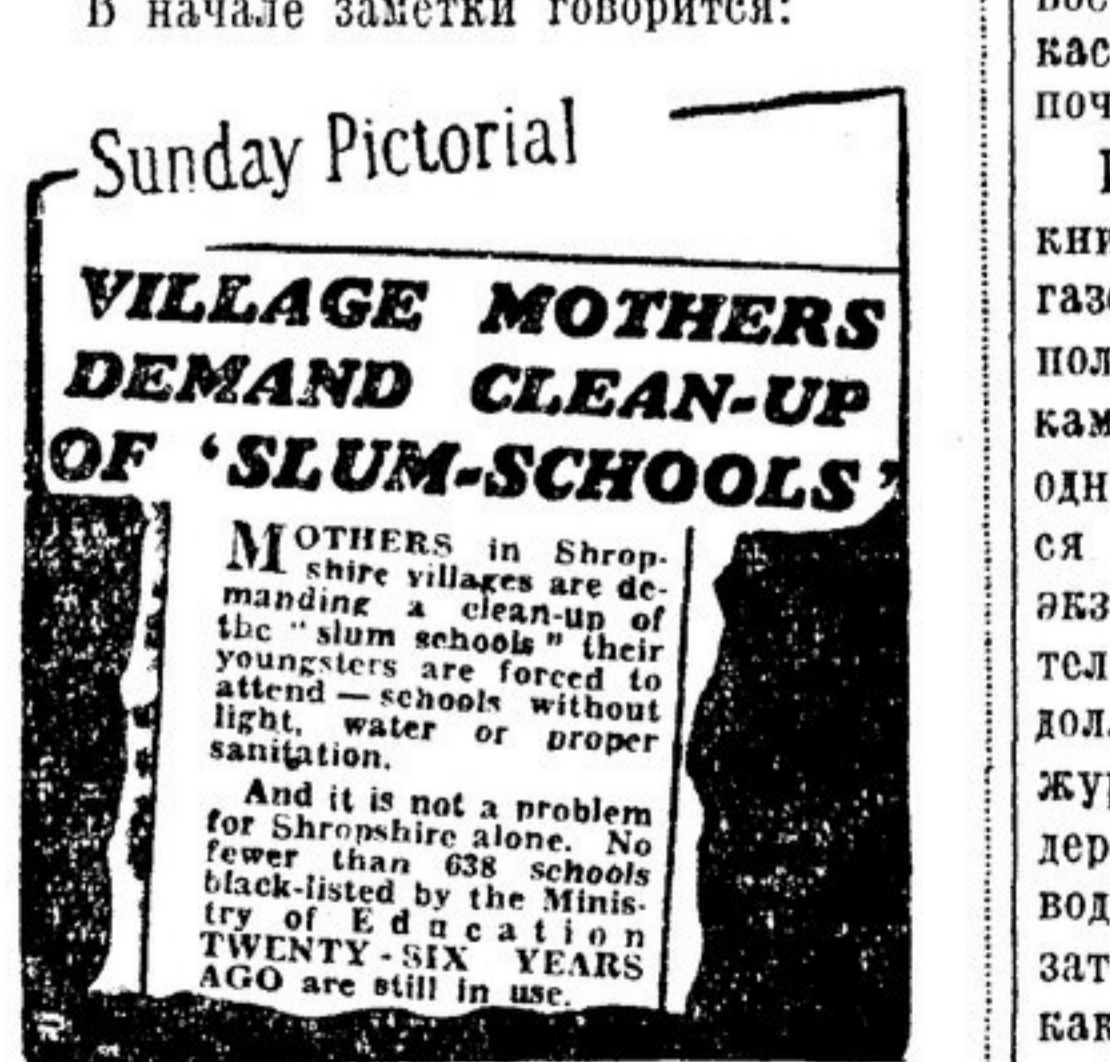
Школа № 137 находится в столице Уругвая. Ее адрес: Монтевидео, улица Индустрия, дом № 3618. Вот как она выглядит. Ветхое помещение с двумя пристроенными лагунами. В нем в две смены обучаются 900 учеников. Классные комнаты так малы, что школьники вынуждены заниматься стоя; лишь время от времени они поочередно присаживаются на скамьи. Поток в здании потрясающий, полны зноют огромными дырами, электрического освещения нет. Учителя и жители квартала, где расположена школа № 137, сами заделывают кусками жести дыры в полу, по которым расплослось бесчисленное множество крыс. В зимнее время пребывание в таком помещении является настоящим самопожертвованием со стороны педагогов и учеников...

Может быть, школа № 137 представляет собой из ряда вон выходящее явление? Ничего подобного! Уругвайская газета «Эль Дебате», подробно описывая эту школу, замечает, что нет особых причин для удивления... И поясняет: «Крайнейшей лагуны, лишённые даже самых элементарных условий гигиены, служат помещением для огромного количества наших школ».

Но обучение даже в такой школе является для очень многих уругвайских детей недоступным. В Уругвае больше половины мальчиков и девочек школьного возраста совершенно лишены возможности посещать учебные заведения. Тяжелое материальное положение заставляет большое количество детей, которым постачивались попасть в школу, прекращать занятия. Нередки случаи, когда ребенок оставляет школу, едва поступив в нее, не закончив даже первый класс.

КОММЕНТАРИИ ИЗ ЛИШНИ!

Английская газета «Санди пикториал» опубликовала в № 1883 заметку под заголовком: «В деревнях матери требуют приведения в порядок школ-трущоб».

«Матери из деревень, находящихся в графстве Шропшир, требуют приведения в порядок школ-трущоб, где вынуждены учиться их дети, — школа, в которых нет ни света, ни воды, ни должных санитарных условий. Так обстоит дело не только в Шропшире. Не менее 638 школьных помещений, которые были признаны министерством просвещения совершенно непригодными еще ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД, используются до сих пор».

Прививки зверства

Американская газета «Нью-Йорк телеграм энд сан» обратилась как-то к американским матерям с таким циничным «внушением»: «Воспитывайте ли вы в вашем сыне будущего солдата? Мы еще недостаточно сильны, чтобы заставить считаться с нашими желаниями, поэтому лучше воспитывать наших сыновей солдатами».

Для того, чтобы «заставить считаться» со своей волей, иначе говоря, — захватить и поработить весь мир, американские империалисты нуждаются в солдатах. Но не в простых солдатах. Политика кровавой агрессии, истребления любили, в том числе самыми гнусными средствами других народов, исполнение их культуры во имя торжества «цивилизации» американских варваров требует солдат-убийц, солдат-зверей.

Все американская пропаганда, все средства воздействия на сознание и психику людей, находящиеся в распоряжении вапшигтонских правителей, мобилизованы ныне на достижение этой цели. Все направлено на то, чтобы воспитать из американских детей будущих палачей, жаждущих крови маяжков, садистов, способных закалывать людей живыми в землю, жечь напалом, травить газами, заражать чумными бактериями всех, кто не желает покориться новым «сверхчеловекам» из страны доллара.

Одна из самых «популярных» серий «комических книжек», издаваемых в США для «воспитания» молодого поколения, так и называется «Сюпермен» — «Сверхчеловек». Этот «сверхчеловек» только и делает, что избивает, душит и пытает всех встречающихся на его пути.

«Комиксы» с их сценами насилий и убийств заменяют американским детям всякую другую литературу. Печатное слово, писал недавно английский журнал «Нью-стейтсмен энд нейшн», выходит из употребления в американских городах, и это особенно верно по отношению к детям. Кроме «комиксов», они ничего не читают. «Комиксы» же не читают, а главным образом смотрят. «Сюпермены» и другие герои этих книжек, вонзающие кинжалы в спины своих жертв или проламывающие им череп томагавками, ограничиваются возгласами, вроде «Уомо!», «Ууррр!», «Аттфог!» и т. п. Эти дикарские крики воспроизводятся на картинках, что же касается других слов, то в них нужды почти нет.

Издается «комиксы» не только в виде книжек: нет почти ни одной американской газеты, которая не отводила бы ежедневно полосу или две этих «живописным картинкам», восхваляющим убийства. Между тем одним только книжек «комиксов» издается в Америке каждый месяц 80 миллионов экземпляров (кстати, они приносят издателю кругленький доход в 18 миллионов долларов). Пятиязычный выше английский журнал подсчитал, что из каждых трех деревьев, срубленных в Канаде для производства бумаги в США, одно можно сказать, заранее носит на себе изображение какого-нибудь преступления...

Милитаристская «психологическая обработка» начинается с родителей. Родители, проповедуют в своих лекциях некий американский педагог Бенджамин Спок, не должны скрывать от детей возможности войны с тем, чтобы они примыслили с этой возможностью «так же, как с другими

реальными неприятностями в жизни». В школах тренировочные занятия по «обороне от атомной бомбардировки», когда учеников заставляли залазять под парты или ложиться на пол, введенные в прошлом году «собачьи номерки» (опознавательные металлические бирки) имеют целью окончательно приучить детей к мысли о неизбежности войны.

У новичков, первоклассников, это вырабатывает «комплекс страха», на который — по свидетельству газеты «Дейли уоркер» — так часто жалуются теперь американские учителя: малыши «с криком просыпаются по ночам»... Постепенно, однако, школа и «домашнее воспитание», кино и телевидение, «комиксы» и «покет-букс» («карманные» книжки, пропитанные все той же идеологией убийства и войны) завершают «воспитание» малолетних американцев, калеча их души. Убийство и война — как массовое убийство — не только становятся для них обычной вещью, но предстают в некоем «оросле». Некоторых начинают сами тянуть к совершению аморальных поступков, насилий и других преступлений. За десять лет, с 1940 по 1950 год, в США число преступлений малолетних увеличилось почти вдвое, составив около 30 процентов всех преступлений, совершенных в стране.

Но некоторым американским «педагогам» мало «комиксов». Они требуют «перестройки» всей остальной литературы. Детский «психиатр» Ханна Колм на страницах одного учебного журнала сетовала недавно, что «современные детские книги не отвечают эмоциональным запросам детей». «Они, — утверждает автор, — слишком сладкие и изысканные, и такие естественные чувства ребенка, как ненависть или зависть, не находят выхода».

Телевидение в Америке — еще одно мощное средство «воспитания» молодежи в духе, угодном Уолл-стриту. «Приблизительно четвертая часть телевизионных программ в Нью-Йорке, — сообщила газета «Нью-Йорк таймс», — построена так или иначе на тематике преступлений».

За стенами школы и дома есть еще организации «бой-скаутов», «каб-скаутов» и «гера-скаутов». Они дополняют милитаристскую обработку молодого поколения. В бой-скаутских организациях состоит около трех миллионов подростков. «Каб-скаутов», объединяющих детей 8—10-летнего возраста, насчитывают еще около миллиона детей. Состоящие в этих организациях дети именуются «своиками», приучаются к военной муштре. Здесь тоже прививаются детям зверские инстинкты, тоже выстраиваются человеческие чувства.

Газета «Нью-Йорк пост» сообщила, что в Детройте один бой-скаутский «командир», подросток Кеннет Маурер зарубил топором мать и сестру. Такие происшествия не единичны. Описания убийств детьми родителей и совершенных ими других, часто самых чудовищных преступлений, нестроятся страницы американских газет. Наркомания и банлитизм среди детей, таинные детские «скауты», где процветают разврат и пьяные оргии, стали неотъемлемой частью американского образа жизни.

Прививки зверства — это естественный плод милитаристского, фашистского воспитания.

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).